

Юрий Владимирович Линник.

В НАЧАЛЕ БЫЛО ВРЕМЯ

Повесть

Родился в 1944 г. в г. Беломорске Карельской АССР. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького, окончил филологический факультет Петрозаводского университета им. О. В. Куусинена. Доцент кафедры философии Карельского государственного педагогического института. Кандидат философских наук.

В литературе дебютировал в 1959 г. стихотворениями, опубликованными в петрозаводской газете "Комсомолец". Первый поэтический сборник - "Прелюдия" - увидел свет в 1966 г. За ним последовали другие: "Созвучье" (1969), "Нить" (1973), "Взаимность" (1976), "Основа" (1979). Обратившись к прозе, опубликовал научно-художественные природоведческие книги: "Книга природы" (1978).

"Прозрачность" (1980), "Книга трав" (1986), "Параллельная вселенная" (1987).

В последнее время обратился к жанру философской фантастики.

Член Союза писателей СССР.

Памяти Н. А. Козырева Лауреат Госпремии тех, довоенных годов ввел формулу Тяжести Времени. Мир к этому не готов.

А. Вознесенский

Я даже думаю, что с 1914 г. время как-то уплотнилось и стало протекать скорее.

А. Ф. Лосев Часть 1. ЭСТЕТИКА ВРЕМЕНИ

Выставка работ Синкрезия была открыта в необычном месте: Главная астрономическая обсерватория Аламака пригласила его развернуть экспозицию. Стояли белые ночи, - и поэтому работал один башенный солнечный телескоп. Остальные башни пустовали, - в их гигантских цилиндрах и днем удерживалась ночная прохлада. Атмосфера внутри башен хорошо гармонировала с работами Синкрезия, - таинственные инструменты казались для них естественным фоном. Синкрезия называли мастером звездного неба. Художник писал свои картины на плоских кристаллах слюды, - накладывая одну прозрачную пластину на другую, он добивался удивительной пространственности и глубины. Специально для него отбирались наиболее крупные самородки слюды, - они расщеплялись на десятки и сотни прозрачных плоскостей, заменявших Синкрезию холст.

В башне семидесятидюймового рефлектора показывался цикл "Кристалльность". Мир в картинах этого цикла был абсолютно прозрачен!

Словно некая духовная сила пронизала его насквозь, открывая взгляду самое сокровенное.

За стекленеющим лесом виднелись ранние звезды. Синкрезий умел их писать стереоскопически, - зритель словно оказывался внутри Ориона или Лиры. Восприятие картины становилось подобным звездоплавлению: Космос приближался вплотную к человеку, - и люди затаивали дыхание над его великолепными безднами.

Поразительное впечатление производил цикл картин "Время". Казалось, что эта философичная тема невоплотима средствами живописи, - ведь она требует для своей передачи движения, процесса. Но необычная техника снимала эти трудности. На шести-семи слюдяных пластинах Синкрезий писал один и тот же пейзаж в разное время года, - на одной изображался золотой березняк с плывущим над ним Козерогом, а на другой сквозила изумрудная дымка весны, - в марево майских рощ опускался прекрасный Стрелец. При разных ракурсах зритель видел разные состояния природы, - по можно было найти особую точку зрения, словно снимавшую разрозненность различных времен: открывалось нечто единое и неразрывное, - фазы и состояния представляли как одномоментные грани целого, существующего сейчас, в настоящем.

Картины заключали в себе целую философию времени, - она складывалась под влиянием друга Синкрезия, астронома и философа Зария. Именно Зарий выступил с инициативой организовать выставку художника в обсерватории.

Астронома и живописца связывала давняя дружба, - началась она еще в археологическом кружке университета: оба тогда учились на первом курсе, - Синкрезий, усиленно занимаясь живописью, изучал еще и древние языки, а Зарий получал образование параллельно на астрономическом и философском факультетах.

Памятью об увлечениях юности была картина Синкрезия "Лабиринт", - сейчас друзья стояли перед нею, вспоминая давнее. Картина изображала древнее сооружение, найденное Зарием в северной Архии, - блуждая по скалам, усыпанным ледниковыми валунами, Зарий однажды удивленно замер: в хаосе валунов ему почудился скрытый порядок. Быть может, это ошибка восприятия?

Солнце близилось к закату, растягивая длинные тени. Подобно ретуши, вечернее освещение выявило и подчеркнуло скрытую структуру, - валуны располагались так, словно изображали гигантскую розу ветров. Зарий интуитивно понял: перед ним своеобразная приборная шкала. Но в чем ее смысл и назначение?

Зарий вызвал телеграммой Синкрезия, - тот срочно выехал, захватив с собой их общего друга Гилеция, разпостороннего ученого, отдавшего дань и пале астрономии.

Гилеций был знатоком рунических календарей и древних астролябий, - он только что закончил обширный труд "Звездное небо в истории культуры", где исследовал пробуждение космического сознания у человечества. Северная находка поначалу озадачила Гилеция, - он не находил ей никаких подобий в мировой культуре. Мощные розовато-серые валуны, обросшие жемчужной пармелией, несли в себе некий смысл, ускользавший от понимания.

Камни разделяли круг на восемь неравных частей, - это могла быть система для наблюдения за восходом солнца в дни равноденствий, но азимуты гранитных визиров имели явно другую ориентацию. Не совпадали эти азимуты и с точками восхождения наиболее крупных звезд, которые могли использоваться древними для ориентации, круг безусловно очень походил на астролябию, но словно предназначенную для неба другой планеты.

И тут Гилецию пришло на память предание о звезде Тишья, некогда посетившей небо Аламака! В течение трех веков звезда совершала быстрые колебательные движения на небосводе, - словно периодически вычерчивала на фоне неподвижных созвездий изящную синусоиду. Гилеций четко вспомнил звездную карту, вклеенную в пергаментный манускрипт, - она изображала столь парадоксальную для небесной механики, но такую изящную и закономерную траекторию Тишьи.

Гилеций в уме рассчитал ритмически менявшиеся азимуты Тишьи, - сделав ряд поправок, связанных с широтой и прецессией, он подошел к загадочному сооружению.

По компасу Гилеций определил один из возможных азимутов Тишьи, - и посмотрел на эту точку из центра круга: как раз в этом месте высился мощный валун! Проверая другие азимуты, Гилеций всякий раз убеждался в правоте своей догадки, - каменный лабиринт был своеобразным календарем Тишьи.

Зария поразили выводы Гилеция. Он понял, что стоит над необычными часами, - их маятником была Тишья.

Не помогла ли эта звезда осознать людям феномен времени? Конечно, они видели вокруг себя немало других регулярных процессов. Но среди них фактически не было процессов с короткой амплитудой! - а ведь именно они наиболее удобны для непосредственного измерения времени. Восход солнца тут не мог быть взят за основу, ибо он каждодневно разнился во времени. А Нигвена, единственный спутник Аламака, повторял свой цикл за сорок пять суток! - этот ритм можно было использовать лишь для отсчета длительных промежутков времени.

И вот появилась Тишья. Звезда стремительно двигалась по плавной периодической кривой. Закончив движение, Тишья плыла назад, - и эти красивые волновые вибрации продолжались триста лет подряд. Видя повторные движения Тишьи, человек говорил: "Это было". Уверенно предвидя ее положения, человек предсказывал: "Это будет".

Прошое - настоящее - будущее. Когда человек осознал триединство времен? Зарий настойчиво думал об этом возле северного лабиринта, чей образ навсегда связался в его сознании с загадкой времени.

Время... Оно асимметрично, ибо необратимо. Мы дети великой Асимметрии! - она делает нашу жизнь печальной и мужественной, она прививает нам любовь к поэзии неповторимого. Но подспудно в нас живет и другое начало: мы хотим одолеть асимметрию времени, обратить его вспять, вернуть утраченное. Это стремление получило двойное выражение: во-первых, оно привело в разных культурах к развитию философии циклов, вечного возвращения и круговорота; во-вторых, оно породило идею вечности, являющейся своеобразным антиподом времени.

Зарию казалось, что корни этого стремления уходят глубоко в эволюционное прошлое. По всей вероятности, на уровне прасознания еще не было чувства времени. Зарий попытался представить это состояние - и вдруг отчетливо понял, что его попытка находит отзвук в глубинах бессознательного. Он рассказывал друзьям о своих необычных переживаниях: - Иногда человек хочет забыться, - быть может, какие-то защитные механизмы отключают нас от хода времени. Это состояние забытья чем-то очень похоже на мои ощущения. Я был вне времени. Мне было уютно и хорошо среди абсолютных симметрий. Но я чувствовал и нечто другое: апатию, косность, безразличие.

Быть может, я оказался в Океане Нирваны? Не знаю. Однако Нирвана теперь ассоциируется у меня с отключением от временного потока. Безвременье властно заключило меня в себе, даруя покой и наслаждение. Однако оно и тяготило меня.

Но вот я сделал какое-то внутреннее усилие! - и как сейчас помню: перед моими глазами медленно закружил золотой кленовый лист, планируя на землю. Быть может, это длилось двадцать или тридцать секунд. Но я удержал их в памяти! - мой мир небывало расширился: от неуловимости мига я сделал прыжок в огромность секунд.

Словно что-то подталкивало меня, влекло вперед.

Я увидел, как на зеркале окружавшего меня Океана безвременья завращались асимметричные водовороты! - их неистовые спирали были закручены в левую сторону.

Быть может, левая асимметрия является фундаментальным свойством нашего мира? Конечно, тогда я не мог задать этого вопроса. Я только чувствовал, что меня разбудили. Раскинувшийся вокруг мир пришел в движение! По нему великолепной синусоидой прошла первая волна.

Я глубоко нырнул в нее, ощутив стремнинный ток Времени. Одновременно я словно впервые ощутил себя самого, вместе с чувством времени ко мне пришло чувство Самосознания.

Теперь мне кажется: это Река Времени сдвинула меня с мертвой точки!

Трудно передать этот внутренний опыт, и поэтому формулировки мои пока очень эскизные, приблизительны: я надеюсь на ваше со понимание, на вашу со интуицию.

И потому прошу вникнуть в главное: я въяве пережил, что время есть некая сила, - не просто длительность, а именно активность. Мы односторонне видим только один аспект времени - его необратимость, несущую нам старение и энтропию. [Мера хаотичности, неупорядоченности. Естествознание пристально исследует антиэнтропийные факторы, поддерживающие жизнеспособность вселенной]. Мы говорим о патине времени, о сединах времени. Это вообще особенность нашей цивилизации: мы воспринимаем время лишь в трагических тонах, - как разрушительную силу. Но Время прежде всего великий созидатель!

Поверьте, это отнюдь не метафора. Доказательства? Для начала их нужно поискать внутри нас. Ты художник, Синкрезий. Что ты думаешь о времени?

Синкрезий долго молчал. И его, и Гилеция удивила философская импровизация Зария, - они знали, что их друг давно интересуется проблемой времени, но никак не предполагали, что у него па этот счет уже есть свои гипотезы. Вероятно, открытие каменных часов дало толчок мысли Зария, - разрозненные догадки и интуиции собрались в одно целое, скрепленное силой убежденного чувства.

Синкрезий наконец произнес: - Тебе, Зарий, будет нелегко отстаивать свои взгляды: ты ощутил напор времени, почувствовал его динамику. Это ново и необычно. Но когда ты говорил, то какие-то струны во мне отвечали твоим словам, - словно я и сам некогда ощущал напряжения в монотонном токе времени. И сам ускорял этот ток! Ты ведь знаешь, что в момент вдохновения время бывает удивительно наполненным, - емкость мига тогда равновелика огромным отрезкам времени. Мне всегда казалось, что это не просто субъективное ощущение. И если ты прав, то при творческом подъеме происходит небывалое уплотнение времени!

Каким-то образом усиливается его активность, - и в эти золотые часы человечество берет свои лучшие высоты.

Быть может, происхождение жизни и разума тоже связано с мощной конденсацией времени!

- Мне кажется, что вы оба слишком опозитизировали время, - вступил в разговор Гилеций. - Заметьте, что в истории культуры проблема времени занимает ничтожно малое место. В чем причина этого? Быть может, в иллюзорности самой проблемы: как говорят философы-скептики, время суть фикция, мираж. Мы измеряем интервалы между событиями, - и делаем это почти так же, как при измерении пространственных расстояний: свернутую пружину в часах можно уподобить рулетке землемера. По сути дела, время не имеет своей специфики, - это одно из измерений, к которому легко подойти с позиций геометрии: время аналогично пространству. Мне понравилась поэтическая сторона твоих рассуждений, Зарий, - ты хочешь найти во вселенной какое-то единое организующее начало. И приписываешь эту созидательную функцию времени. Но Космос далеко не так совершенен, как это тебе кажется: и жизнь, и разум в общем случайные явления для материи, неуклонно накапливающей энтропию.

Да разве и не самой этой энтропией - дряхлением и остыванием Космоса - определяется направленность времени? Ты же приписываешь времени нечто противоположное, - оно у тебя работает против энтропии. Возможно, ты даже прав, но в очень ограниченной области: я имею в виду биологическое и психологическое время, - тут могут быть глубокие отличия от физического времени. Но как они маломасштабны! - энтропия все равно поглотит жизнь, психику, сознание.

Да ты пессимист, Гилеций! - удивленно воскликнул Синкрезий.

- Я просто хочу трезво взглянуть на вещи. Изучая древние культуры, я глубоко прочувствовал всю двойственность в отношении человека к Космосу.

Конечно, люди видели в нем упорядоченность и эстетически оценивали ее. Но разве они закрывали глаза на враждебные им силы вселенной? И среди этих сил на первом месте было время, - не случайно наши пращуры восприняли его в образе грозного Хроноса, пожирающего своих детей. Иногда я думаю, что этот образ глубоко укоренился в недрах нашей человеческой природы. Не идет ли Зарий против непреложной власти традиции? Боюсь, что его ждет поражение.

- Почему? - возразил Синкрезий. - Отрицательное восприятие времени - страх перед ним, бегство в забвение - может быть своеобразным неврозом человечества. А если идеи Зария помогут нам излечиться? Ведь правильное понимание и освоение времени выведет нас на новые творческие пути. И еще: я не могу согласиться с мыслью Гилеция о враждебности Космоса человеку! Ведь он сам показал в своих работах, что понятие "космоса" - то есть, упорядоченного и гармоничного мира, - независимо возникло в разных культурах Аламака. Или это понятие Гилеций тоже считает своего рода фикцией?

- Вовсе нет! Я просто хотел указать на противоречия в восприятии человеком Космоса. Мне самому далеко не чуждо эстетическое восхищение гармонией мира. Но я знаю, что за этой гармонией стоит Хаос! - он неумолим, он неодолим, он неизбежен. Разрушительные силы - Время и Энтропия. При чем здесь невротический страх перед временем? - человечество открыто и мужественно взглянуло в лицо космической опасности. И оно вовсе не сложило руки! Если во вселенной и есть аптиэнтропийный фактор, то это - человек.

Хотя в далекой перспективе его борьба с энтропией безнадежна, но это прекрасная борьба! - и я преклоняюсь перед нею. Однако понимаю, насколько ничтожно мал пятючок пространства, занятый человеком в Космосе, - со всех сторон его обступает реальный или потенциальный Хаос. Быть может, нам немного удастся расширить возделанный нами островок организованности.

Предположим, что наша экспансия распространится на всю планетную цепь, даже на Галактику! - все равно это не остановит краха вселенной. Человек не сможет помочь Космосу! Зарин захотел сделать нашим союзником Время. Я высоко ценю благородство и красоту твоих устремлений, Зарий. Но боюсь, что твоя идея является скорее фактом поэзии, а не науки. В ней есть подлинное поэтическое обаяние! И я уверен: твои взгляды могут оказать сильное влияние на людей, их миропонимание.

Зарий не вступал в дискуссию друзей. Он был вообще молчаливым и сдержанным человеком, - его неожиданный монолог свидетельствовал о сильном подъеме чувств.

Реакция Зария на высказанные мнения была сложной: смущение, смятение, сожаление - все это вихрем пронеслось в его душе. Но Зарий взял себя в руки, - ранимость души сочеталась в нем с твердостью воли: это помогло ему в будущем перенести многие злоключения жизни, сохранив кристальную совесть и душевную чуткость. Предчувствие долгого и трудного одиночества наполнило его Душу.

На скалах северной Архии два друга - Зарий и Гилеций - как бы заключили молчаливое пари. Зарий отстаивал тезис: Космос жизнеспособен и гармоничен.

Гилеций оспаривал это: Космос неизбежно вернется в состояние Хаоса. По сути дела, здесь столкнулось два мировоззрения! И в этом принципиальном споре долгое время победителем казался ученый-энциклопедист Гилеций.

После гуманитарной работы "Тема мировой катастрофы в древней мифологии" он переключился на физическое обоснование катастрофизма. Говоря точнее, Гилеций занялся проблемой тепловой смерти вселенной. Мир он представлял в виде неустойчивой пирамиды, - доказывал, что космические тела могут только спускаться по ее склону: на уровне основания энтропия достигала максимума, и хаос торжествовал свою победу над звездой или галактикой! Возражения друга Гилеций оспаривал очень просто: в шутовском тоне он предлагал Зарию посмотреть в телескоп на Мирру, соседку Аламака по планетной цепи. Как будто Зарий не знал наизусть каждый кратер этой безжизненной планеты! Но Гилеций хорошо понимал, насколько сильным является его аргумент, - Мирра была для жителей Аламака наглядным символом энтропии, запустения, смерти.

И тем не менее Зарий настоял, чтобы в комплект космического зонда, засылаемого на Мирру, был включен сейсмограф. Коллеги удивлялись: - Зачем? Это все равно, что прилагать стетоскоп к груди умершего человека.

Аламак был потрясен, когда его облетела весть: Мирра сейсмически активна! В недрах планеты идут интенсивные процессы, - ее пульс жители Аламака слушали с волнением и радостью. Как-то теплее становилось на сердце оттого, что у Аламака есть живая сестра.

Разумеется, Зарию было воздано за его проникновенную интуицию. Однако почти никто не знал, что свое удачное предсказание Зарий сделал не по счастливому наитию, - ко времени открытия сейсмичности Мирры его гипотеза уже была солидно обоснована. В скромной лаборатории он поставил опыты, которые убеждали: ход Времени является действенной космической силой, противоборствующей росту энтропии.

На первый взгляд это казалось несопоставимым: огромность проблемы – и почти домашняя обстановка лаборатории! Вначале даже не верилось, что здесь исследуются процессы, имеющие космический смысл и значение.

Река Времени перегораживалась тут плотинами, - исследовалась и сила ее напора, и направление ее течения. Делались попытки извлечь работу из хода Времени, - сама постановка задачи казалась еретической, но результаты обнадеживали: правильная ориентация гироскопов в потоке времени приносила энергетический эффект. Конечно, он был мизерным. Но Зарий смело заглядывает в будущее! - ему открывались перспективы новой энергетики, спасающей Аламак от черного ужаса энтропии.

Зарий не сетовал на условия работы. Могло ли иначе утвердить себя новое направление мысли? - ученый повторял прекрасные слова: "Приду, не преломив хворостины". Он любил работать в бессуетной тишине. Конечно, средств всегда не хватало, - поэтому опытные установки были не такими мощными, как иногда хотелось. Но Зарий был убежден: с помощью самых простых средств можно получить весомые результаты, - для этого нужна широта подхода и отсутствие предубеждений. А одним из таких предубеждений была погоня за сложностью экспериментальных систем. Она вела к удивительной диспропорции! - на громоздких устройствах получали ничтожные по своему значению данные.

Нельзя сказать, что ученые-современники проявляли враждебность к Зарию, - просто его искания оставались для них чуждыми и непонятными. Лишь изредка раздавались голоса о том, что Зарию надо запретить его исследования. К счастью, многие воспринимали работы Зария как безобидное чудачество, - поэтому к ним иногда относились даже с любопытством. Но не больше! Так было до тех пор, пока не подросло новое поколение ученых, среди молодежи стали появляться люди, которых увлекали идеи Зария. Конечно, прежде всего волновал образ Космоса, воссозданный в работах ученого! - вечно живой, полный творческих энергий. Космос Зария обладал эстетической привлекательностью.

На Аламаке все чаще вспыхивали дискуссии о возможном существовании космических цивилизаций. В этих спорах брала верх общепринятая точка зрения: жизнь в космосе случайна, вероятность контакта с другим разумом ничтожно мала. Люди с небывалой остротой осознали свое космическое одиночество. Очевидно, здесь на новом уровне проявлялась единая закономерность: полноценное развитие возможно лишь через общение с себе подобными. Это касается не только личности или даже отдельной культуры.

Теперь становится ясно, что потребность в общении присуща и человечеству в целом! - оно мечтает о космическом диалоге.

Увы, радиоастрономическое обследование ближайших звезд с планетными системами разочаровывало, - блещущие миры отчужденно молчали: в их немоте было что-то пугающее и безнадежное. Раздались голоса: цивилизация Аламака уникальна! - и поэтому поиски братьев по разуму лишены всякого смысла. Но были оптимисты, - правда, немногочисленные. Они все чаще стали появляться в лаборатории Зария, - его понимание Космоса вдохновляло энтузиастов: если вселенная жизнеспособна и гармонична, то в ней должно быть много очагов разума. Зарий в это время вынашивал новую идею, - она должна была ответить на вопрос, взволновавший ученого еще в годы юности. Наверно, этот вопрос встает перед многими, - но люди или быстро забывают о нем, или удовлетворяются поверхностным ответом. Почему светят звезды? - за простой формулировкой стояло нечто неизъяснимое и загадочное.

Зарий часто вспоминал давнюю звездную ночь, когда он осознал всю глубину проблемы. Конечно, она и раньше впрямую появлялась в его сознании, - но словно ступеньки уходила в тень. А тут встала перед ним во всем своем полыхающем величии.

Зарий и Синкрезий одиноко бродили среди огромных древних пирамид, - это были обсерватории народа, исчезнувшего тысячи лет назад. Прекрасные силуэты четко отпечатались на фоне зимних сумерек. И вдруг Синкрезий вздрогнул: в просвете между пирамидами стоял Орион! - он был как раз вровень пирамидам и казался странно живым. Синкрезий подозвал Зария, - и того поразили человекоподобные очертания созвездия. Конечно, он много раз видел изображение Ориона на старинных картах: стройный охотник туго натягивает свой световой лук! Но сейчас Зарий ощутил, как падают вокруг стрелы света, испущенные Орионом. Они звенели первозданной музыкой, усиленной гранями пирамид. Торжественной поступью Орион двигался к Синкрезию и Зарию, протягивая им свой живоносный лук. Очарованным друзьям показалось: световые стрелы несут мысли и образы! - сеятелем жизни шел к ним навстречу Орион, излучая высшую радость бытия. Казалось, был слышен стук его сердца - звучный, ритмичный.

Тема Ориона с тех пор навсегда вошла в живопись Синкрезия. Он писал его в разных разворотах, - один ракурс совпадал с видом Ориона из окрестностей Арктура, а на другой картине он был изображен в полупрофиль: таким его могли бы наблюдать жители планет, вращающихся вокруг эпсилон Эридана. Художнику было близко сознание древних поэтов-астрономов, давших далеким созвездиям человеческие имена. Поэзия не уходила от истины - в недрах Возничего или Волопаса наверняка есть планеты с разумной жизнью.

Иногда глухой осенней ночью Синкрезий явственно чувствовал: вот гулкий зов доносится из Водолея - окликнутый Персей чутко вздрагивает и посылает ответный знак. Что это, игра творческого воображения? Или подключение к неведомым каналам звездной связи?

В лаборатории Зария висело несколько работ его друга, - глядя на образы созвездий, словно окруженных прозрачной аурой, Зарий находил в этом необычном искусстве подтверждение собственным интуициям: звезды бессмертны, - они могут проходить через бесконечную цепь трансформаций, но гибель звезды невозможна. Даже если она ныряет под гравитационный радиус!

[Мера сжатия вещества, когда в силу огромной плотности оно не излучает вовне, - таким свойством обладают знаменитые "черные дыры"].

Что же поддерживает свечение звезд? Ведь запасы вещества в них ограничены, а горят они многие миллиарды лет. Этот парадокс объясняли с помощью разных гипотез, однако ни одна из них не была удовлетворительной.

Однажды Аламак облетела сенсация: тайна звезд разгадана! - астрофизик Беций нашел строгое теоретическое доказательство того, что в звездах происходит ядерная реакция.

Уравнения Беция отличались стройностью и убедительностью. Однако Зарий отнесся к ним без доверия.

Вначале это было безотчетное неприятие, - вряд ли Зарий мог его рационально обосновать. Вероятно, сказывалась память о недавней войне, где была испытана первая ядерная бомба, - Зарий чисто эстетически не хотел принять, что сияние прекрасных звезд имеет ту же природу, что и страшное бесчеловечное оружие. Он вплотную занялся звездной астрофизикой, - и вскоре получил результаты, несколько обескуражившие научный мир: правота Беция не исключена, однако при условии огромной температуры внутри звезд. Для многих исследованных светил такая температура исключалась. Тем не менее они исправно излучали свой свет в космическое пространство.

Быть может, звезды превращают в энергию ход времени?

Смелая гипотеза увлекала: Зарию рисовались образы цивилизаций, научившихся ставить плотины на реке времени. Такими плотинами могли быть звезды.

Интерес Синкрезия и Зария к проблеме контакта окреп в спорах с Гилецием, - он с глубоким пессимизмом относился к чаяниям друзей. Гилеций еще более укрепил свою известность благодаря поэтичной и печальной книге "Последние", - в ней обосновывалась возможность контактов с братьями по разуму в глубоком прошлом.

Гилеций привлек интереснейший археологический и мифологический материал, - существенную роль в его аргументации играло преданье о звезде Тишья. Почему же контакты прекратились многие тысячелетия тому назад?

Гилеций считал, что космические цивилизации, когда-то интересовавшиеся Аламаком, погибли в результате ядерной войны.

Из контекста книги следовал вывод, что такая участь не исключена и для самого Аламака: "Мы последние!" - в этом восклицании Гилеция слышалось и предостережение, и отчаянье.

Оспаривая пессимизм Гилеция, молодые астрономы выступили с предложением о широком прослушивании аламакского радионеба. Однако проект оказался весьма дорогостоящим. Поэтому для исследования решили выбрать лишь некоторые участки неба. Но какими критериями пользоваться для столь ответственного выбора? Зарию также предложили принять участие в обсуждении этой проблемы. Он решил посоветоваться с Синкрезием. Поднявшись в его чердачную мастерскую, Зарий застал друга за работой. Синкрезий трудился над большой картиной "Туманность Ориона". Она просто ослепила Зария своей неистовой светосилой! На черном бархате ночи туманность распласталась гигантской стоцветной медузой, словно бесчисленные щупальца, шевелились и переливались светом газовые волокна. Зарий спросил удивленно:

- Как ты добился такой лучевой мощи? - просто не верится, что это обычные краски.

Синкрезий смущенно улыбнулся.

- Ты знаешь, в этой картине я хочу использовать новые эффекты своей техники. Кстати сказать, их мне подсказали крылья бабочек-парусников, - ты ведь помнишь, что при изменении угла зрения они чудодейственно меняют свою окраску. Встань-ка сейчас на мое место.

Зарий сделал три шага в сторону, - и был потрясен: оп словно вошел вглубь туманности Ориона, увидев нечто небывалое. В самом средоточьи газового облака - на фоне знаменитой Трапеции - висел огромный аметистовый диск. Внутри него просвечивала сетчатая структура, похожая па нервную систему, - а по краям диска пульсировали живые рдяные огоньки.

- Что это? - ошеломленно спросил Зарий.

- Мельница Упиброиги. Понимаю: это слово тебе ничего не говорит. Оно мне встретилось в одном из преданий северной Архии, - там рассказывается о небесной стране Униброига, где чудодейственную мельницу вращает неизбывная, но невидимая река. Понимаешь, в этом мифе мне почудилось родство с твоей идеей о Реке Времени, несущей Космосу свет и счастье. Но подожди, это еще не все...

Синкрезий подвел Зария почти вплотную к картине, - и тот оказался внутри аметистового диска. Сквозь его прозрачную оболочку Зарин увидел что-то очень знакомое. Оп напряг память, - и вдруг отчетливо вспомнил счастливую находку своей юности: каменные часы в северной Архии. Только сейчас он их видел, как бы под собой! - Зарию казалось, что он парит на огромной высоте, вровень с пролетными лебедями. А внизу простирается прекрасный Север! - морошковые болота, ледниковые озера, задебранные скалы.

Все тут первозданно и дико. Но вот явное папечатлепие разума! - на небольшом каменном плато кто-то сдвинул многотонные валуны так, что они образовали огромный циферблат. Зарий понял замысел Синкрезия: художник пророчит о звездном часе человечества.

Зарий возвращался домой в приподнятом настроении.

А в это время Синкрезий разворачивал только что полученную телеграмму.

Она была от Гилеция.

В жизни бывают такие совпадения: Зарий мысленно еще был в северной Архии, куда его переместила картина Синкрезия, а теперь он слушал по телефону сообщение Гилеция о новом открытии, сделанном им на незабвенной земле. Сборы друзей были недолги, - пожилой возраст никак не сказался на их тяге к новизне.

Проникнутый скепсисом к современной цивилизации, Гилеций всецело ушел в прошлое, - он считал, что и человек был тогда лучше, и Космос нес в себе больше гармоний. В зрелые годы у него с большой силой вновь пробудились интересы юности, - он решил собрать все звездные карты древности, дабы исследовать интереснейший вопрос: отражают ли эти карты изменения в видимом рисунке созвездий? Ведь за десять-двадцать тысяч лет звездные чертежи могут измениться до неузнаваемости.

Особое внимание Гилеций уделял петроглифам. Интуиция подсказывала ему выбор места для поиска. Он решил расчистить валунный хаос, закрывавший склон приозерной скалы. Коллеги считали это безнадежным предприятием. Но Гилеций вызвал тяжелые геликоптеры! Они трудились два дня, - на мощных тросах вздымались в небо тысячепудовые глыбы и сбрасывались в озеро, - склон скалы постепенно открывался взгляду.

Когда работы были закончены, Гилеций быстро залил скалу специальной мастикой: она работала как проявитель, - стершиеся от времени петроглифы словно выступали из небытия и забвения. Гилеций приказал дать боковое освещение, - рабочие немедленно включили софиты: и вот на камне контрастно проступили мельчайшие неровности.

Гилеций интуитивно догадался: перед ним самая древняя в мире звездная карта. Он четко держал в памяти смещения крупных звезд за последние пятьдесят тысяч лет, но тут пришлось делать поправку на более раннее время.

Гилеций почувствовал, что не в силах это сделать самостоятельно, - и тогда связался с Главным компьютерным центром Аламака. В машины были введены необходимые программы, - и вскоре Гилеций держал в руках несколько крупных перфокарт: они давали схему звездного неба, каким оно было последовательно сто, двести и триста тысяч лет тому назад. Полученные схемы были сопоставлены с выбитыми в камне схемами созвездий. И вот – неожиданный вывод: наиболее близкие совпадения дает перфокарта, на которой рассчитано небо, каким оно было почти три тысячи веков назад. Ученый просто отказывался верить полученным выкладкам, хотя и понимал, сколь убедительны они. Воображение перенесло Гилеция в глубокую древность, - современные созвездия существовали тогда лишь в задумке или эскизе. Но все же Гилеций быстро сориентировался в картине неба, открывшейся его умозрению: он легко узнал Бегу, Денеб, Альтаир. А вон и Кастор с Поллуксом! А это еще более яркие и густые, чем сейчас Плеяды. Вскоре Гилеций распознал большинство классических созвездий, видимых с Аламака, - однако безотчетно он ощутил какой-то странный дискомфорт в этом знобщем своей новизной небе. Словно чего-то не хватало в нем, и эта странная незаполненность, пустота, брешь томила душу. Гилеций не сразу понял причину этого ощущения. Осознав ее, он ощутил почти ужас: в древнем небе Аламака не было Ориона!

С детства он стал любимым созвездием Гилеция. Было известно, что звезды Ориона молодые и горячие. Но никто не предполагал, что Орион вспыхнул на памяти человечества! Среди других созвездий он был сущим подростком. Не потому ли Орион так легко и свободно держится па небе Аламака? - Гилеций подумал, что в его очертаниях есть юношеская сила и грация. Теперь стало понятно, почему Орион занимает избранное место в преданиях древности, - это обусловлено его неожиданным появлением на небе Аламака. Контур Ориона выкладывался из камней; в его честь воздвигались храмы; восход созвездья приветствовали гимнами.

Гилеций вспомнил юношеский монолог Зария о времени, - найденные им каменные часы находились неподалеку от новой находки. Зарий говорил о том, что Время как бы вплеснуло в мир новую жизнь. Не связан ли этот всплеск временной активности с рождением Ориона?

Этот вопрос можно было задать самому Зарию, - вместе с Синкрезием он прилетел утром в северную Архию.

Теперь все трое стояли над склонами скалы, сохранившей информацию о глубоком прошлом. Разговор шел до рассвета, - перед самой зарей взошел Орион: друзья встретили его как давнего собеседника. Устремленный и гибкий, Орион словно пытливо наклонялся над Ала маком, рассматривая сквозь незримую линзу его сны и наития.

Зарий начал отвечать на вопрос Гилеция, - и в его интонации друзья сразу ощутили эхо давнего монолога.

А ведь прошло сорок лет! Казалось, что они были мгновенной паузой, - и Зарий без перерыва продолжает свои рассуждения.

- Мы сейчас ничего не знаем о происхождении звезд. Несомненно, что процесс звездообразования продолжается и в наши дни. Звезды живут миллиарды лет. Создается ощущение, что они каким-то образом компенсируют энергию, уходящую на излучение. Поначалу две проблемы- тайна Времени и тайна Звезд - существовали для меня раздельно. Но это было недолго, - вскоре они сплелись в один узел. Я стал экспериментально исследовать, может ли активность Времени противостоять энтропии.

И роль звезд увиделась мне в новом свете! Образно выражаясь, это мельницы, действующие благодаря напору в реке Времени. Вы ведь помните, что я писал в своем первом реферате на эту- тему? "Время песет в себе организацию и, взаимодействуя с материей, может препятствовать наступлению тепловой смерти Мира. Воздействуя на вещество звезд, Время не дает им остыть, то есть перейти в равновесие с окружающим пространством.

Смотря на звездное небо, мы видим не атомные топки, где действуют разрушительные силы, а видим проявление созидających, творческих сил, приходящих в мир через Время". Теперь конкретно о вопросе Гилеция. Несомненно, что во вселенной могут протекать особо активные процессы, повышающие плотность Времени в окрестном пространстве. Мне кажется, что периоды такой активности благоприятствуют подъему материи на новый уровень, в это время зарождаются биосферы или возникает сознание. Сыграла ли вспышка Ориона роль пускового механизма в пробуждении разума на Аламаке? Интуиция мне подсказывает, что эта гипотеза вполне правомерна.

Но тут нужны скрупулезные и длительные исследования...

Вернувшись домой, Зарий нашел письмо от молодых астрономов: они торопили его с рекомендацией по прослушиванию радионеба. Быть может, посоветовать им выбрать созвездие Ориона? Но Зарий решил глубже продумать это предложение. Его лаборатория занималась сейчас новой серией экспериментов, - Зарий размышлял о возможности наблюдения звезд с помощью хроноскопа: созданный им прибор помогал преодолевать разрывы в пространстве и времени. Было исследовано несколько наиболее крупных звезд, - удалось установить различие их свойств: очень сильно воздействовали на приборы Сириус и Прокцион; менее интенсивным был Регул; совсем молчал Арктур.

Несмотря на то, что ограниченные возможности лаборатории позволяли исследовать лишь немногочисленные звезды первой-второй величины, сразу стала ясной интереснейшая зависимость: активность звезды связана с ее эволюционным возрастом, - молодые звезды более энергично действуют на приборы Зария.

Кто-то из сотрудников однажды предложил:

- А не следует ли поискать на небе самостоятельные источники активности? Ведь они в принципе могут быть связаны и с очень слабыми звездами, и с телами совершенно неизвестной природы.

Конечно, эта идея была заманчивой. Но Зарий трезво сознавал, что хроноскопическое обследование звездного неба требует совсем иных условий, - это задача для нескольких больших коллективов, оснащенных качественной и мощной аппаратурой. Поэтому Зарий объяснил лаборанту не реалистичность его смелого и оригинального проекта. Однако сейчас он решился осуществить - пусть в малом масштабе - идею поиска активных источников.

Зарий начал пристально исследовать созвездие Ориона.

Хроноскопы приняли информацию, поступающую от Ригеля и Бетельгейзе.

Они долго держали в своем фокусе Беллатрикс и Геку. Зарий изучил хроноактивность Алнитак, Алнилама и Миптаки-трех прекрасных звезд, сверкающих в поясе Ориона. Результаты были хорошие: молодое созвездье дышало силой и энергией. Но ничего необычного в Орионе пока найдено не было.

И вот хроноскоп навели на знаменитую туманность Ориона. Зарий взглянул на шкалу, ожидая обычных эффектов. Но он увидел нечто новое: стрелка прибора колебалась в странном закономерном ритме!

Включили самописцы, - на бумажной ленте вскоре появился красивый узор. Он озадачил исследователей: ничего подобного им не приходилось видеть, - все известные физические процессы давали на самописцах совершенно другие диаграммы. Кто-то сказал:

- А ведь это похоже на передачу осмысленного сообщения!

Наверно, каждый из присутствующих подумал о такой возможности, но не решился высказать ее вслух. А вдруг ошибка? Горечь разочарования была бы тогда огромной.

Зарий обратил внимание на то, что подобные кривые скорее свойственны ритмике биологических процессов. Эта была осторожная, но глубоко идущая аналогия. По крайней мере, можно было сделать безупречный по своей строгости вывод: ритм задается объектом, имеющим более высокую организованность и упорядоченность, чем все другие космические тела, известные человеку. И хотя прямых доказательств того, что открыта неизвестная цивилизация, пока не было, но не было и никаких аргументов, говорящих против дерзкой гипотезы!

Ритмический узор напоминал закодированную фразу, которая повторялась без всяких изменений. Зарий любовался сложным танцем переплетающихся кривых, - чисто эстетическим впечатлениям он придавал большое значение.

Ведь красота часто свидетельствует о гармоничности и разумности своего источника! Казалось, что самописец работает с вдохновением: так тщательно вычерчивало его перо небывалые линии, схожие с изящным непрерывным орнаментом.

- А ведь это похоже на почерк! - воскликнул один из лаборантов, увлекавшийся графологией. Конечно, ассоциация была чересчур субъективной.

Но смутившемуся лаборанту пришлось дать психологический анализ небывалого почерка: - Я бы сказал, что за этой линией стоит нечто уравновешенное, доброжелательное, мудрое.

Все улыбнулись. Но Зарий заметил, что такие соображения, несмотря на свой фантастический характер, могут быть полезными.

- Не нужно бояться усложнить явление! - сказал Зарий. - Гораздо опасней его упрощение.

Зарий уже собрался позвонить молодым радиоастрономам, ждущим его совета, когда случайно обратил внимание на одну особенность диаграммы.

Фраза делилась на две неравные части, - это четко показывали все записи.

Зарию пришло в голову измерить соотношение этих частей, - его всегда волновала эстетика пропорций: наитие и здесь уловило нечто очень хорошо знакомое.

Да, тут была классическая закономерность! - фраза делилась на две части в пропорции золотого сечения: отрезок в целом относился к большей части так же, как большая часть к меньшей. Красивое и гармоничное соотношение! Оно определяло красоту многих природных и архитектурных форм; оно воплощалось в структуре музыкальных произведений.

Трудно понять, как работают механизмы интуиции, Зарию вдруг стало ясным, что радиоастрономам надо подсказать не только координаты для поиска, но даже длину волны, наиболее вероятную для передачи разумных сообщений.

- Ищите па волне 1,618 м. Из каких соображений я исхожу? Если хотите, из эстетических. Потом объясню подробно. - Так закончил Зарий разговор с радиоастрономами.

1,615 - число золотого сечения. Это математика, универсальная для всего Космоса. Правда, Зария смущало то обстоятельство, что понятие метра несколько условно, это мера длины, оказавшаяся удобной для Аламака.

У других цивилизаций могут быть совершенно иные эталоны! Но Зарию вдруг прозвучали слова древнего мудреца: "Человек - мера вещей".

Человеческое, субъективное совпадает со вселенским, глубинным.

Радиоастрономы приняли совет Зария. Туманность Ориона была хорошо изученным радиоастрономическим объектом, но на волне 1,618 м она никогда не исследовалась, - астрономы выбирали длину волны, исходя из специальных соображений и возможностей радиотелескопов.

Вскоре огромные сетчатые чаши звездных антенн были нацелены на Орион!

Зарий выехал в Южную приморскую обсерваторию, чтобы участвовать в исключительно важных наблюдениях: впервые Космос одновременно исследовался через два канала, имеющих совершенно разную природу, - активность времени и радиоизлучение.

Зарин надеялся, что радиотелескопическое подтверждение его данных станет переломным моментом для теории Времени: настороженность сменится вниманием, - и за оглядчивым любопытством последует открытое признание.

И вот все внимание Аламака, все его чаянья и надежды сосредоточились на одной точке, координаты которой были заданы Зарием. Информация выводилась в Главный компьютерный центр планеты, - там она подавалась на огромное табло, игравшее ту же роль, что и лента скромного старомодного самописца, установленного в лаборатории Зария.

Зарий был готов к неудаче. Ему претило то, что эксперимент получил столь широкую огласку. Впрочем, он понимал это, - ведь впервые Аламак так глубоко и чутко вслушался в Космос. А вдруг у планеты пока еще очень слабый радиослух? Или неверно выбрана длина волны?

Или информация поступает только через хроноскопический канал? Зарий знал, что провал эксперимента надолго задержит признание его теории.

Вскоре на экране появились первые вибрации, - операторы произвели дополнительную настройку, добиваясь четкости, изображения. И вот Зарий увидел знакомую систему линий. Только их трепеты и перебивы сейчас казались еще более изящными.

Кривые словно рисовали какую-то музыку, - Зарию чудилось, что он слышит ее звуки. Это была космическая гармония сфер! Зарий безобманно почувствовал, что из космоса звучат позывные.

Они прекрасны, эти звездные голоса. Но пока мы слышим лишь их зыбкое эхо, едва отдающееся в несовершенной технике. Однако Зарий уже предвидел тот час, когда музыка космоса зазвучит в полную силу! - и сердца аламакцев замрут, восхищенные ее совершенством.

Но вот рисунок линий изменился! - через радиодиапазон поступала более сложная информация, нежели та, которую улавливал хроноскоп. Зарий не удивился этому, он предсказывал такую возможность: ведь на радиоастрономию работала вся цивилизация Аламака, тогда как Зарий собирал с миру по нитке, чтобы смонтировать маломощный хроноскоп. И все-таки именно в его маленькой тесной лаборатории была принята первая весть от далекого разума!

Зарий пристально вглядывался в экран, - на нем возникали все новые сочетания линий. Сообщения четко подразделялись на фразы. Строились они различно, но Зарию показалось, что все предложения имеют одну ритмическую основу. Быть может, у них общая семантика?

И только разные способы ее выражения? - как если бы в одном и том же ритме произносились одинаковые по смыслу, но разноречивые фразы.

Догадка Зария подтвердилась, - вскоре специалисты по лингвистике выявили структурное подобие передаваемых предложений. Очевидно, сам способ и характер передачи нес глубокую семантику! Словно автор сообщений хотел сказать: важен не только текст, но и та форма, в которую он облечен, - ключ к дешифровке лежит именно в этой форме. Найти ее было совсем просто, - Зарий расположил сходные фразы параллельно друг другу: получилось нечто очень похожее на периодическую таблицу.

Это очень философичная форма. Уже сама по себе, вне своего смыслового контекста, она может многое сказать мыслящему существу. И Зарий мгновенно уловил первый семантический уровень послания! - его авторы повторяют, что закон единства в разнообразии универсален для всего Космоса. Если внешняя несхожесть фраз указывает на момент разнообразия, то аналогия в их построении выявляет структурное сходство, единство. Можно предположить, что авторы послания говорят о некоей единой структуре, повторяющейся на разных уровнях организации материи. Что же это за структура? По всей вероятности, она известна жителям Аламака. Даже наверняка известна!

Зарий вспомнил весну в северной Архии. На озере уже показались первые забереги, -и в студеной прозрачной воде закопошились ракушки-катушки, выползшие из ила для того, чтобы погреться на солнце. Зарий всегда любовался спиральным панцирем этих моллюсков. Как изящно закручены их домики! И сколь значителен по смыслу их геометрический план! Зарий видел в спирали лучший образ гармонической асимметрии. Он знал, что в Реке Времени еже мгновенно возникают мириады левозакрученных воронок! - лишь благодаря их динамике возможен переход от мига к мигу. Без этой спасительной асимметрии Время остановится. Если изменить знак асимметрии (конечно, в мысленном эксперименте!), то река Времени потечет вспять: это будет мир с иной логикой и причинностью. Быть может, не менее прекрасный, но очень странный для нас мир! Но одно невозможно: лишить Время асимметрии.

Зарий любил музыку, - в процессности музыкальной формы отражалось течение Времени. Он закрывал глаза, - и видел бесконечное множество радужных спиралей: они скручивались и раскручивались, переходили друг в друга, ритмично пульсировали. Вглядываясь в полученные из Космоса сообщения, Зарий начинал понимать их непосредственное содержание. В этой периодической системе фраз была задана Иерархия Спиралей! - спиральное разворачивание галактик; спиральная эволюция элементов; спиральное строение генокода; спиральная структура; мышления.

Синтаксис - понятен, семантика - тоже. Теперь путем кропотливой подстановки значений надо было изучить лексику космического языка, - за этот труд взялись представители разных наук: задача требовала комплексного подхода, - в успехе ее решения никто не сомневался. Поэтому интеллект Зария сосредоточился на других проблемах, - он стал думать над тем, как составить ответное послание и отправить его ожидающему Ориону.

Зарий решил обратить на эту проблему общественное внимание. Он поставил своеобразный социологический эксперимент, опубликовав статью, где оптимистически говорил о возможности обратной космической связи.

Как и ожидал Зарий, ученые раскололись на две неравные группы: мизерное меньшинство считало, что целесообразно начать изучение возможностей ответа уже сейчас, в рамках имеющихся возможностей. Но остальные решительно протестовали! - мол, Аламак еще не созрел для космического диалога. Кроме того, надо разобраться в намерениях внеаламакской цивилизации: а вдруг голос Аламака привлечет к планете враждебные силы? Это соображение стало популярным, - весть о космических братьях отнюдь не освободила многих аламакцев от чувства недоверия и подозрительности. Аламак еще не опомнился от недавних социальных конфликтов. Теперь эхо этой розни проецировалось на Космос! Однако Зарий был убежден в преодолимости подобных препятствий: он верил в силы добра, доверия и взаимности, - окончательно победив на Аламаке, дух гуманизма этически подготовит планету к прямому контакту.

Очень интересовал Зария и другой аспект дискуссии, - уже не социальный, а вроде бы чисто физический. Аламакская наука считала незыблемым известное ограничение: скорость света 300 000 км/сек является предельной. Значит, миры разобщены не только в пространстве, но и во времени. Причем эта изоляция является особенно мучительной для сознания! - ведь посланье, отправленное с любым излучением, даже со скоростью света, будет идти многие годы. Иногда столетия, даже тысячелетия!

А межгалактические диалоги потребуют миллионов и миллиардов лет.

Совершенно ясно, что время жизни одного поколения недостаточно для полноценной беседы. Заботиться о внуках и правнуках, вступая в диалог ради них?

Но ведь нет гарантии, что потомков будут волновать проблемы их пращуров! Отсюда - пессимизм в проблеме контакта, отсюда - философия космического умолчания.

Зарий с пристальным интересом наблюдал за переменами в настроении людей. Еще недавно аламакцы восклицали, что их тяготит космическое одиночество. Теперь, после недолгого шока, вызванного обнаружением разумных сигналов, началась явная духовная депрессия. Отворачиваясь от недоступного Космоса, люди по-новому обращались к родному Аламаку: глубже ощущали его уют и красоту. Зарий разделял эти чувства. Но его мучил вопрос: почему люди не могут развить в себе гармоническую дополнительность? Почему души колеблются между разными полюсами, но не объемлют их сразу? Зарию казалось, что ощущение ценности Аламака вполне совместимо с тягой к Беспредельности.

Философы Аламака воскресили древние теории о полноте малого, - через созерцание капли можно выйти в Космос, слиться с ним. Зарию всегда нравилась эта концепция, - рассматривая прекрасный цветок, он видел в нем подобие вселенной. Но ученый понимал, что в сложившейся ситуации этот эстетический культ малого является своего рода защитной реакцией ноосферы, - невозможность одолеть пространство и изоляцию во времени тяготила души людей. И они искали утешение в малом!

Человечество отвернулось от дальней вселенной.

Восприятие Космоса стало как никогда противоречивым: с одной стороны, было снято ощущение космической случайности жизни и разума, но вместе с тем раздвинутость миров в пространстве и времени эмоционально оценивалась как проявление враждебных начал Космоса.

Несомненно, что такое одиночество ноосфер благоприятствует энтропии! - ведь рассогласованность и разобщенность всегда были на руку хаотическим силам.

До звезд в Орионе, окруженных аурой его туманности, было 1300 световых лет, - этим числом определялся и возраст полученных радиосообщений. Имели ли хронограммы такой же возраст? Казалось бы, сходство позывных, полученных по двум разным каналам - через радиосвязь и с помощью хроноскопа, - свидетельствует о том, что они были отправлены одновременно. Но так ли это?

Как известно, ограничение скорости до 300000 км/сек касается лишь изученных нами видов взаимодействий.

Распространяется ли оно на Время? Вот над чем давно размышлял Зарий, - но размышлял про себя: даже с самыми близкими друзьями он не делился своими предчувствиями. Зарий понимал, к сколь радикальной ломке всей картины мира приведет преодоление светового барьера.

Зарий любил звездное небо. Тайнственное для интеллекта, оно было всецело открыто для интуиции, - а она издревле подсказывала: Космос есть органическое единство, Космос пронизан животворными токами.

Зарий высоко ценил космологию древнего мудреца Латония. Многим она казалась безнадежно устаревшей, но Зарий был убежден, что Латоний заглянул на несколько тысячелетий вперед, предвосхищая науку далекого будущего. В диалогах Латония покоряло эстетическое чувство Космоса. Философ учил, что космос суть Организм. Это не нужно было понимать в узко биологическом смысле: имелась в виду организованность и целостность Космоса.

Зарий интуитивно чувствовал, что для органичной системы необходимо очень быстрое - быть может, даже мгновенное! - взаимодействие частей. Но это невозможно для релятивистской вселенной [Вселенная, какой она предстает в теории относительности (релятивности)], - если скорость распространения взаимодействий не превышает 300000 км/сек, то отсюда следует, что связь между двумя крайне удаленными точками во вселенной займет сорок миллиардов лет: таков по новейшим вычислениям световой диаметр Космоса.

Это значит, что во вселенной нет единого цельного Времени! - оно раздроблено на триллионы маленьких автономных времен.

Зарий понимал, сколь глубоки и точны релятивистские уравнения, - они выводились и шлифовались гениальными людьми Аламака. Бессмысленно спорить с непреложным языком этих уравнений, - даже если интуиция подсказывает, что огромность Космоса можно объять за одно мгновение. И нет для этого познания - озарения никаких преград, никаких ограничений. Зарий обращался к опыту поэзии, - откуда в ней это чувство целокупной связи со всем Космосом?

Словно импульсы наития способны распространяться с бесконечными скоростями!

Тут легко возразить, - поэтическое воображение не может быть аргументом.

Однако Зарий был убежден, что эстетическое освоение Космоса часто опережает выводы нерасторопной науки. Да и что мы знаем о природе воображения? - быть может, у искусства есть еще не понятые нами способы подключаться к Космосу как целому. Нельзя же считать заблуждением бесчисленные свидетельства такого подключения! Зарий вспомнил картину Синкрезия "Космос", небольшое по размеру полотно обладало магической силой: оно давало возможность одновременно пережить и Безграничность, и Целостность мира. Вначале зритель видел систему вложенных друг в друга хрустальных сфер, - этот символический образ мира Синкрезий взял из учения древнего философа-математика Гория.

Войдя в глубину стереоскопического полотна, зритель ощущал себя как бы внутри огромной органической клетки, - ее микроструктуры поражали своей красотой и гармонией.

Но зритель делал еще один шаг к полотну - и вот внутри необычной клетки начинали сиять звезды и галактики!

Они казались погруженными в теплую протоплазму - сеть наитончайших нервных волокон соединяла их. Зритель чувствовал, что вся его нервная система включалась в эту сеть! - и он мгновенно воспринимал пульс дальних миров.

Зарий не раз переживал эти состояния, входя в прозрачный мир Синкрезия. Картина укрепляла ученого в желании вернуть Космосу органичность, отнятую у него релятивистскими уравнениями. Да, эти уравнения верны.

Но то сечение мира, которое они дают, вовсе не совпадает со всем миром! Потому и традиционный взгляд на время отнюдь не исчерпает всех его свойств. Зарию хотелось взглянуть на мир более широко: и релятивистские формулы, и поэтические прозрения тогда окажутся вполне совместимыми. Не была ли вся жизнь Зария стремлением к этой универсальной позиции?

Исследуя физические свойства времени, он часто задумывался о возможности введения нового понятия: проявление времени. Ряд косвенных данных указывал на мгновенный характер этого процесса. Попытки экспериментально проверить предположение давали пока весьма двусмысленные результаты, - и Зарий отложил намеченные исследования на неопределенный срок.

Однако сложившаяся на Аламаке духовная ситуация оказалась для Зария своеобразным катализатором, - он неожиданно понял, что его давняя гипотеза работает против ужаса изоляции! Ведь свойство мгновенного проявления времени может быть использовано в целях космической связи. Зарий раньше никогда не задумывался о возможностях такого приложения своей гипотезы, - но теперь он решил бросить вызов року разобщенности, тяготеющему над цивилизациями Космоса.

Ученый ощутил прилив вдохновения, - однако его не покидал и строгий логический самоконтроль. Нужно было тщательно проверить все допущения.

Если Время способно проявляться мгновенно, то как это увязать с релятивистским запретом? Несколько бессонных ночей, - и вот Зарий обосновывает важнейшее положение: проявление не есть распространение.

Правда, между двумя этими свойствами могут быть аналогии, но каждое из них специфично. Релятивистский запрет касается лишь распространения вещества и энергии, - к проявлению активности времени он не имеет никакого отношения: здесь разные уровни, качественно отличные области.

Зарий размышлял как раз на эту тему, когда ему позвонил Синкрезий, - он сообщил о вспышке новой в Лебеде и предложил вместе полюбоваться на нее.

Новая дерзко изменила очертания древнего созвездия, - влажно и радужно сверкала она на летнем небе.

- Сколько новизны в этом зрелище! - сказал Синкрезий, - и сколь обманчива эта новизна. Как это ни банально, я все же хочу посоветовать на медленность света. Ведь вспышка сверхновой произошла не один год назад!

Запоздалая новость, ничего не скажешь. Мне иногда кажется, что мы живем среди звездного миража. Смотри, как хороша сейчас Вега! Ее голубизна ощутима и без телескопа. Но Бегу ли мы видим? Нет! Перед нами ее световая личина, ее лучевой слепок. А сама Вега за двадцать семь лет - кажется, таково расстояние до нее в световых годах - пусть немного, но все же сместилась. Значит, звездное небо в каком-то смысле иллюзорно. От этого немного грустно, правда?

Зарий согласился. Он вдруг почувствовал глубокое желание непосредственно ощутить все эти звезды в их доподлинном бытии и положении.

Разве иллюзорность, о которой говорил Синкрезий, не была следствием все той же изоляции во времени?

Низко под окоемом уже сверкал пояс Ориона. Прекрасное троезвездье! Но сохранилась ли его гармоничность? Световые кванты, достигшие сейчас Аламака, ушли в путь тринадцать веков назад. Какие события за это время произошли в Орионе? Не узнать, не разведать.

Ночное небо прочертил яркий метеор. Одновременно в сознании Зария вспыхнул свет догадки! Тот эксперимент, о котором он так много думал в последние дни, ясно и четко встал перед его мысленным взором. Наверное, наитие исподволь зрело в подсознании Зария долгие годы, и вот сработал пусковой механизм. Неявное стало явным. Спасибо Персеидам! - подумал про себя Зарий.

Максимум этого метеорного потока приходился как раз на сегодняшнюю ночь.

Вот мысли ученого в связи с этим удивительным свойством времени: "Вся Вселенная проектируется на ось времени одной точкой и, следовательно, для времени не имеет размера. Поэтому изменение плотности времени, вызванное процессом в какой-либо точке пространства, например, на звезде, должно произойти сразу во всем мире, но только убывая с расстоянием обратно пропорционально его квадрату. Следовательно, через время возможно дальное действие, т. е. мгновенная связь. Этот вывод был доказан астрономическими наблюдениями, показавшими, что на резистор в фокальной плоскости телескопа действует то место неба, где звезды не видно, но где она находится сейчас, в момент наблюдений".

Наблюдая за тем, как меч Ориона отрывается от горизонта, Зарий составлял план на будущую ночь. Он уже имел опыт изучения звезд с помощью хроноскопа, - однако установка до сих пор не имела механизма точной наводки. Хроноскоп устанавливался вручную, на глазок, и считался сфокусированным в тот момент, когда на шкале появлялся эффект. Зарий сейчас понял, что эта грубость наводки мешала проверить ему гипотезу о мгновенном проявлении Времени. Он просто не задумывался над тем, какое положение звезды регистрирует хроноскоп - видимое или действительное. Тогда это было просто не нужно, - опыты имели совсем другую цель. Зарий подумал о том, что хроноскоп даже не имел искателя-гида! - источник активности нащупывался фактически вслепую.

Утром хроноскоп был оснащен астрометрическим оборудованием. Зарий весь день рассчитывал действительное положение звезд, выбранных для проверки гипотезы. Близилась ночь, которая должна была принести успех или разочарование. В случае успеха можно будет сказать без всякого преувеличения: проведен один из самых значительных экспериментов в истории человечества!

Зарий пригласил для участия в наблюдениях опытных астрометристов.

Погасли закатные краски. Кторий, самый верный и самоотверженный сотрудник Зария, включил хроноскоп. Зарий еще раз проверил работу точных микрометров, - и навел систему на Сириус: он уже был близок к кульминации.

Все с напряжением смотрели на шкалу прибора. Сейчас в фокусе хроноскопа был видимый Сириус! - то есть его фотонный слепок, сколок.

Истинный Сириус за девять световых лет несколько изменил свои координаты.

Автоматическая система слежения двигалась за Сириусом-фантомом уже в течение получаса! - приборная шкала хроноскопа молчала. Тогда выключили систему слежения и стали исследовать окрестности Сириуса.

- Есть эффект! - радостно воскликнул Кторий. Астрометристы немедленно повернули микрометрические ключи.

Глядя в окуляры микрометров, они продиктовали Кторию снятые координаты.

Зарий не чувствовал никакого волнения, - душа его звенела, отвечая гармониям звездного неба.

Астрометристы взялись за вычисления.

Зарий еще раз посмотрел в Астрономический календарь: параллакс Сириуса он знал на память, но сейчас мысленно повторил все расчеты.

Несколько минут прошли в напряженном ожидании.

И вот - результат!

Хроноэффект обнаружен как раз в том месте, где сейчас находится истинный Сириус.

Черная пропасть, зияющая девятью световыми годами, была одолена в мгновение ока.

Сириус был рядом, - все явственно ощутили небывалую близость звезды, ее лучезарное добрососедство.

Космос казался понятным и добрым, - лед отчужденья растаял в эту ночь на всех его бескрайних просторах.

Орион широкими шагами шел к Аламаку, - и в переливе его изумительных звезд угадывалась благожелательная улыбка.

Зарий вспомнил свою находку в северной Архии. Давняя ночь у пирамид встала в его памяти. Промелькнула вся жизнь - с ее лишениями и радостями.

Скоро ему исполнится семьдесят. Голубые глаза по-прежнему светились молодостью. Душа наполнилась новыми устремлениями, - Время вливало в своего первооткрывателя неизбывную творческую энергию.

В эту ночь проверили еще несколько звезд, - эффект всегда совпадал с расчисленными координатами. Начинало светать, - Орион уже по грудь ушел за окоем. Он теперь не оказался недостижимым! - Зарий знал, что Аламак сможет ответить ему.

Бессонная ночь не оставила никакой усталости. Астрометристы давали разъяснения заждавшимся журналистам, - но Зарий вежливо отклонил предложенное ему интервью. Он отправился в мастерскую Синкрезия.

Художника взволновал рассказ друга.

- Почему ты не пригласил меня участвовать в наблюдениях? - обиженно спросил Синкрезий.

- Я боялся, что неудача может поколебать твою художническую интуицию.

Конечно, опасения были напрасны. Ведь ты чувствуешь Космос лучше, чем мой хроноскоп! И ты помог бы пережить мне возможную неудачу, рядом с тобой она показалась бы случайной и преходящей.

Один из современников вспоминает Зария тех лет: "Высокого роста, хорошо сложенный, худощавый, всегда чисто одетый, подтянутый, гололобый, очень коротко подстриженный, с гордо поднятой головой, он походил на военного высокого ранга в отставке, хотя в армии никогда не служил. Ходил он быстро, при встрече со знакомыми любезно раскланивался, пожимая руку, если не спешил. Вежлив был всегда. Работая у телескопа и в лаборатории, завораживал всех мягкими и ловкими движениями".

Друзья вызвали из поездки Гилеция, - он с партией археологов-подводников работал на экваторе Аламака.

Весть о достижении Зария быстро облетела всю планету, - поэтому Гилецию ничего не нужно было объяснять.

Он с порога бросился обнимать друга:

- Поздравляю! Мне теперь неловко вспоминать о своих сомнениях.

- Ну что ты! - остановил его Зарий. - Я чувствую себя твоим должником, - еще с той поры, когда ты возражал на мои рассуждения в северной Архии. Ты знаешь? Я всю жизнь спорил с тобой, -то молча, то вслух. Без этого напряженного диалога я не пришел бы к сегодняшнему дню.

- Я был для тебя всего лишь точкой отталкивания! - засмеялся Гилеций.

- Для меня это было жизненно необходимым. Не соглашаясь со мной, ты всегда блестяще обосновывал свою позицию, - остальные оппоненты не утруждали себя анализом. Благодаря твоим возражениям я научился фокусировать свои мысли.

Во время этого дружеского объяснения Синкрезий готовил к показу новую картину. Он выключил свет и зажег свечи. Слюдяное полотно, казавшееся пустым, внезапно оживо. И вот великая власть мастерства перенесла друзей в северную Архию! Синкрезий как никто другой чувствовал красоту Севера. Вот и сейчас он прекрасно передал поэзию древних скал, глядящих в бирюзовое зеркало озера.

- Это полуостров Каприз! - воскликнул Зарий. Поблизости от изображенного места он нашел каменные часы.

- А загадка Тишьи так и не разгадана... - задумчиво сказал Гилеций, переносясь мыслью в годы юности.

В ответ на эти слова Синкрезий немного повернул плоскость картины.

Друзья ахнули! - над причудливыми скалами Каприза вдруг вспыхнуло звездное небо. К Зарию вернулись ощущения предыдущей ночи, - звезды были рядом, они плавали в комнате. Зарий понял, что с помощью искусства Синкрезий тоже научился преодолевать изоляцию! - он приблизил Космос к Аламаку, превратив свои полотна в чистые слюдяные линзы.

Синкрезий включил маленький лазер, - это было новшеством в его технике. И вот над Капризом вспыхнула новая звезда. Она была аметистового цвета, ее окружало матовое гало. Звезда плыла по странной колеблющейся траектории.

- Тишья! - прошептал Гилеций.

Художник оживил предание глубокой древности. И как убедительно он это сделал!

Наблюдая за движением Тишьи, Зарий обнаружил в нем нечто странно знакомое. Он вспомнил ленту самописца с танцующими кривыми, - записывалась информация, передаваемая Орионом. Тут было явное сходство, подобие!

Конечно, не буквальное, - скорее стилистическое: в движении звезды и в записи на ленте чувствовалась общая ритмика, структура. Быть может, за двумя явлениями стоит одна информация? И Тишья была вовсе не звездой, а своего рода голограммой? [Трехмерный оптический образ, получаемый с помощью лазерного излучения] - это Орион передавал в оптическом диапазоне свои прекрасные позывные!

Зарий удивился, почему эта мысль не пришла к нему раньше: ведь в его архиве были копии с древних карт, изображающих траекторию Тишьи. Согласно преданию, путь по траектории звезда проделала многократно, - это тоже ассоциируется с повторением позывных. Лишь благодаря картине Синкрезия разные явления встали в одну причинно-следственную цепь.

Друзья с волнением обсудили соображения Зария. Ион понял, что перед ним встают новые проблемы.

Выходит, что информация из Ориона передавалась сразу по трем диапазонам - оптическому, радиоволновому, хроноскопическому. Делалось ли это дублирование ради надежности? А может, здесь вовсе не было синхронности, - и сообщения по трем каналам ушли к Аламаку в разное время?

Последнее предположение показалось Зарию интересным, - можно даже было рассчитать хронологическую последовательность передач. Оптический сеанс был проведен еще в доисторическое время, - больше он не повторялся.

Радиоволновым сообщениям 1300 лет, неизвестно, ведется ли передача в этом диапазоне и сейчас: чтобы выяснить это, надо подождать еще 1300 лет.

А хроноскопические импульсы отправляются в пространство нашими современниками, - вчерашняя ночь доказала возможность такой мгновенной связи.

Предположим, что три информационных канала последовательно сменяют друг друга. Тогда в самой этой очередности может содержаться глубокий смысл! Быть может, три формы связи соответствуют различному возрасту космических цивилизаций? Зарию показалось, что он начинает проникать в логику старших братьев по разуму.

Оптический сеанс обращен к непосредственным чувствам человека, - взрослого он заставит задуматься, а ребенку покажется чудом. Наверно, этот сеанс пришелся на раннее детство ноосферы, - чуть позднее прозорливые люди могли бы догадаться, что видят на небе закодированное сообщение. Еще через некоторое время его удалось бы отчасти расшифровать.

Радиоволновая сигнализация явно предназначена для планет с высокоразвитой техникой. Вероятно, лишь случайные факторы - и прежде всего скепсис относительно проблемы внеземных цивилизаций - помешал принять эти сигналы раньше. Быть может, они уже давно текут сквозь металлическую ячею аламакских радиотелескопов.

А хроноскопическая передача? Скорее всего, она обращена к цивилизациям высшего типа, уже понявшим природу Времени. Не занялась ли заря этой цивилизации и над Аламаком? - Зарий ощутил внутреннее смущение, когда сознание поставило перед ним этот неизбежный вопрос. Ученому было радостно ощущать свою сопричастность к новому сдвигу в истории Аламака.

А вдруг планета еще не готова к такому повороту? Зарий с болью думал об этом. На Аламаке не было социального единства, - вражда и рознь постоянно вспыхивали в разных местах планеты. Этическое сознание человечества тоже нуждалось в гармонизации, - слишком слабым было стремление к сопониманию и сотрудничеству, корыстолюбие часто брало верх над духовностью. Из-за раздробленности Аламака его экология находилась в кризисном состоянии, - загрязнялись океаны, истощалась земля. Планета задыхалась в тисках энтропии! Быть может, открытие Зария развеет эти роковые тиски? Многие на Аламаке ощутили такую надежду.

Зарию словно воздавали теперь за долгие годы непонимания. Ему предложили занять пост председателя Всеаламакского конгресса наук, - но он не соблазнился этими лаврами. Ученого мучил вопрос: как ответить Ориону? Он удалился на полгода в Северную Архию. В тихой деревушке, расположенной среди скал и озер, Зарий предавался своим размышлениям. Перед ним вставали фундаментальные проблемы мироздания: соотношение Времени и гравитации, живой и неживой материи, творческих и разрушительных сил. И все чаще Зарий обращался к новому великому вопросу: какова роль разума в Космосе?

Деревушка находилась совсем рядом с последней находкой Гилеция, - нужно было только пересечь неширокое озеро, усеянное живописными островами. Зарий часто раздумывал над архаической звездной картой, где не было Ориона.

Быть может, это искусственное созвездье? - спрашивал про себя Зарий. Он понимал всю дерзость и масштабность этого небывалого, но закономерного вопроса.

Ответ на него можно было получить только у самого Ориона! Как дозваться до его прекрасных звезд? Зарий спрашивал это у природы, - она всегда была самой мудрой советчицей. Ученого окружали чаячьи гнезда, цветущий вереск, лосиные стада. Он радовался красоте жизни!

И в глубине души начинал понимать, что в тайне живого найдет ответ на волнующий его вопрос. Быть может, вон тот кузнечик или эта трясогузка станут соавторами в открытии хроноизлучателя!

Зарий давно понял, что Время несет с собой победу над энтропией. И где эта победа более ощутима, нежели в цветущей биосфере? Ведь материя обретает с появлением жизни высший уровень своей организованности.

Перед Зарием стали вырисовываться черты новой науки- хронобионики.

Очевидно, лишь с ее помощью человек может создать излучатель Времени. Не мертвящее расщепление вещества, а продвижение его к высшим уровням приведет человека к овладению Временем! - от анализа наука должна перейти к синтезу.

Конечно, такая переориентация произойдет не сразу. Но в перспективе она неизбежна. И тогда человечество будет на равных говорить с величественным Орионом! И тогда дух добра восторжествует в сердцах людей.

Лишь бы не погиб Аламак в тисках энтропии.

Часть II. ДОБРАЯ ПРАНА

Син чувствовал все острее, что его искусство не находит понимания у современников. И вовсе не потому, что оно изобилует новшествами! – скорее наоборот: наследник древней традиции, Син хотел вернуть искусство к его первозданным истокам и архетипам. Ритмониум был лебединой песней мастера, - но туда редко заглядывали 247 посетители: большинство из них покидало Ритмониум с недоумением.

Это было величественное, но вместе с тем одухотворенно легкое сооружение, - система сквозных арок уходила ввысь по бесподобно прекрасной кривой, чье уравнение было впервые найдено Сином: он говорил ученикам, что кривая приснилась ему еще в юности и вся его творческая жизнь была припоминанием пленительной линии.

Входя в Ритмониум, посвященный зритель ощущал свою глубокую связь с Космосом.

Казалось, сквозь арки течет поток чистой целеустремленной энергии!

Войдя в него, ты словно начинал подъем к далеким звездам, - менялось твое дыхание, твое сердцебиение; мысли освобождались от всего суетного; интуиция становилась всепроникающей. Невидимая стремнина - хрустально-прозрачная при бездонной глубине - несла тебя по спиральному руслу, чудодейственно расширяя твое сознание на каждом новом витке.

Впрочем, это ощущение не столь уж субъективно, теперь мы знаем, что подлинное искусство управляет потоком Времени, - его монотонное, по-равнинному замедленное течение художник может сделать стремительным и порожистым. Он мастерски возводит плотины на реке Времени, превращая ее энергию в эстетические ценности.

Художник не мог объяснить, почему в слабо намагниченных арках, ритмически расположенных на криволинейном пандусе, возникает своеобразная духоподъемная сила.

Выражаясь по-современному, мы бы сказали, что Син построил первый Хронотрон - уплотнитель Времени. Разумеется, Син решал чисто эстетическую задачу, - но художник иногда глубже проникает в сущность Космоса, нежели рационально мыслящий ученый.

Как многим другим людям искусства Сину не были чужды утопические устремления, - он мечтал о том, что через очистительную спираль Ритмониума пройдет все человечество. Осознав свои космические цели, люди забудут о тяжбах и ссорах. Красота Космоса поможет нам обрести гармонию! – говорил Син на открытии Ритмониума.

Его слушали вежливо, но как-то отстраненно, - самое сокровенное шло рикошетом мимо сознания слушателей.

Создавая Ритмониум, Син бессознательно искал альтернативу эстетике своей цивилизации. Он чувствовал, что ноосфера стала развиваться в опасном направлении: порядок она превращала в хаос, вносила диссонансы в природу.

Это однозначно сказалось на внешнем облике ноосферы, - она выглядела лоскутно и мозаично; ее функциональные узлы были обнажены; шаблоны подавляли разнообразие. Вероятно, большинство приспособилось к явному занижению эстетических норм, - поэтому Ритмониум казался многим причудой, капризом. Для понимания этого шедевра нужна была внутренняя цельность, собранность, - однако аналитический характер цивилизации отзывался в душах людей дробностью и рассредоточенностью.

Среди немногих людей, сочувствовавших Сину, выделялся врач Зар. Везде трудно быть новатором, но в медицине особенно: сам характер этой науки требует большой осмотрительности и осторожности. Хорошо понимая это, Зар не сетовал на отсутствие признания. Правда, об успехах его ритмотерапии могли свидетельствовать уже десятки вылеченных людей. Зар трактовал болезнь как специфический вид аритмии. Он проводил успешные опыты с биокамертонами и резонаторами, - через изобретенный им усилитель он мог вводить ритм определенного кристалла или растения в больной организм. Все зависело от избирательной реакции организма, - резонируя на ту или иную частоту колебаний, организм как бы втягивал в себя ритмическую упорядоченность: вместе с гармонией к нему возвращалось здоровье.

Целительные ритмы Зар искал всюду: в росте раковин, в узорах чешуи, в пении птиц. Его лаборатория была настоящим храмом природы! Все это не встречало поддержки у коллег Зара, - медицина тогда имела опору в химии искусственных соединений. Поэтому методы Зара выглядели едва ли не вызовом традиции.

В ту пору еще не существовало ритмоскопии звезд, - однако Зар предвидел возникновение этой науки. Он думал про себя: а что, если одному человеку окажутся созвучными вибрации Беги, а другой будет чувствовать прилив сил, настроившись на ритмику Денеба? У каждого человека своя звезда! - эта древняя догадка может получить неожиданное подтверждение. Возможно, что наложение нескольких ритмов будет оказывать особое действие, врач станет сочетать звезды так же, как когда-то он смешивал в мудрых пропорциях различные травы.

Зар увидел в Ритмониуме великолепное средство для врачевания душ, - гипнотическая сила его пропорций сообщала мыслям и чувствам человека высокий строй. Ритмониум как бы усиливал гармонию сфер, - и эта музыка космоса оказывала на человека мощное преобразующее воздействие. Древние умели настраиваться на эти вибрации, - их танцы, их орнаменты были способом связи с космосом: в красоте пластических узоров воплощались ритмы вселенной.

В последние годы Зар много размышлял над философией ритма. Чередование вдоха и выдоха казалось ему наглядной моделью тех процессов, которые происходят в Космосе, - концентрация и рассредоточение, собирание и распыление образуют сложнейший ритмический контрапункт мира. Зар трудился над гигантским Каталогом процессов, в основу которого было положено фундаментальное различие: процессы, излучающие информацию, и процессы, поглощающие информацию. Идею этого простого и четкого деления Зару подсказал его личный опыт.

Изучая фенологические ритмы, Зар много времени проводил в природе. Сопоставляя графики природных процессов с данными самонаблюдений, Зар пришел к интересному выводу: максимумы его духовной активности падают на время листопада и снеготаяния.

Казалось бы, процессы эти очень разные. Но Зар нашел между ними очевидную общность, - накопленное и сосредоточенное природа в эту пору испускает вовне, в окружающую среду: запах опада осенью или талого снега весной наполняет все пространство. Информация, сосредоточенная и в клетках листьев, и в кристалликах снега, становится свободной, - Зар предположил, что каким-то образом человек может ее аккумулировать в себя.

Изучив сводки по психологии творчества, Зар нашел любопытные связи: на зрелую осень и раннюю весну падают пики творческой активности у многих ученых и художников.

Зар увлекался культурой древней Лемурии. Оттуда он заимствовал понятие праны - доброй и неиссякаемой силы, которая как бы подзаряжает нас во время общения с природой, космосом. Не имеет ли прана информационный характер? Зар отвечал на этот вопрос положительно.

Понятие праны он вводил скорее интуитивно, чем на основе строгого анализа: ему казалось, что во вселенной есть некое информационное начало, неотрывное от материи и столь же сопричастное ей, как движение, пространство, время. Представления об окружающей среде Зар дополнил новой идеей: в природе существует определенный уровень праны, который может сильно меняться в зависимости от времени года.

Зару пришла в голову дерзновенная мысль: создать прибор, который регистрировал бы колебания праны в природе, - вскоре первый фенометр был разработан.

И это оказалось не слишком сложным делом! Многие процессы могли использоваться в качестве датчиков уровня праны, - для этого они должны были улавливать повышение или понижение энтропии в окружающей среде. Зар все четче осознавал, что информация, неся с собой определенность и структуру, является антиэнтропийной силой.

Чувствительная система на жидких кристаллах, стоящая в листопадном лесу, действовала как включенный светомузыкальный экран: на ожившей кристаллической пленке плыли симметричные радужные пятна, напоминающие расцветку фантастических бабочек. Это тончайшие излучения праны вносили активность в спящий кристалл!

В игре узоров и пятен можно было легко распознать устойчивые, часто повторяющиеся структуры, - они удивительным образом напоминали орнаментику древних: изящный меандр, цепочки спиралей, гармоничные синусоиды, - все это возникало перед зрителем, являя ему тайное строение бегущего времени, несущего в своих берегах информацию, прану.

Сопоставляя узоры на кристаллической пленке с орнаментами древней Лемурии, Зар говорил полусуто: - Наши предки обходились без фенометров? Они просто доверялись собственной впечатлительности: ведь человек лучше любого датчика реагирует на вибрации праны.

В тонкостях поэтической и музыкальной ритмики Зар хотел найти подтверждение своим взглядам. И его ждал успех! Просмотрев огромное количество текстов и партитур, Зар сделал волнующий вывод: на протяжении тысячелетий человечество с поразительной точностью записывало пульсации праны, но даже не подозревало об этом.

Зар подготовил монографию по этой теме. Но к ней отнеслись скептически, - уж очень смелые зависимости устанавливал автор. А в эпоху все дробящего аналитического мышления такие связи казались фантастикой! - ученые привыкли разъединять, но не связывать: мир в их глазах был суммой изолированных друг от друга блоков.

Появилась даже книга "Мир как хаос", - она обрела успех в широких кругах. Автор книги, философ Гиль, по праву считался разносторонне одаренным человеком, - он имел достижения в поэзии и математике, сочинял с помощью синтезатора музыку. Гиль хорошо знал Сина и Зара, но относился к их исканиям без доверия. Иронизируя над Ритмониумом, Гиль, однако часто приходил сюда: вероятно, он отталкивался от высоких гармоний Сина, как бы отрицая и разрушая их в себе. В своей работе "Поэтика бунта" он утверждал, что творческий потенциал человека с наибольшей полнотой проявляется в аритмии и дисгармонии: если природа навязывает человеку ритм и строй, то он само утверждает себя, выбиваясь из этого ритма.

Гиль ввел в поэзию новую аритмическую метрику, в своих стихах он как бы выворачивал язык наизнанку, дабы освободить его от естественно со присущих ему музыкальных структур. Казалось, что язык в стихах Гиля лишился членораздельности, что произошло возвращение в первоначальный звуковой хаос. Но с помощью новой формы Гилю удавалось передавать состояния и настроения, ранее ускользавшие от запечатления. Стиль поэта отразил какие-то сложные перемены в человеческих душах.

Теперь для нас несомненно, что это были отрицательные перемены. Однако Гиля можно по праву считать честным художником, - он отразил незримые катаклизмы в душах людей и нашел для этого новую поэтику.

Музыка Гиля обладала схожими стилевыми особенностями, - древние называли бы ее антимузыкой: обычные тональности и гармонии Гиль словно перевернул в каком-то дьявольском зеркале. Слушателю казалось, что распадается структура мира: добро и зло обращаются в странной инверсии, прекрасное и безобразное переходят друг в друга, - и нет никакого способа для различения этих противоположностей.

В музыкальном космосе Гиля человек чувствовал себя потерянно и одиноко, остро переживая абсурдность собственного существования. В этой жуткой вселенной отсутствовала канва ритма. Вначале это ужасало, но потом даже притягивало, - слушатель начинал чувствовать странное расслабление: им овладевала апатия, его влекло к развоплощению и растворению в бесконечном.

Гиль научился пробуждать в людях память об изначальном Хаосе! Это была грозная и опасная сила, - лишь человек с сильной волей и дисциплиной духа мог пройти через искушение аритмией.

Ритмониум находился на противоположном эстетическом полюсе: если он повышал уровень сознания, то музыка Гиля, при всей ее формальной новизне и блеске, звала человека в темную бездну бессознательного. Гиль открыто говорил, что Ритмониум восходит к традициям мистерий, - для него это не было ни упреком, ни осуждением: ради доказательности он подкреплял свою догадку весьма глубокими, точно выверенными сравнениями. Гиль прекрасно знал, что обряды древних часто достигали потрясающих результатов, - включение в определенный ритмический настрой помогало одолеваять болезни, укрепляло дух человека. Однако способность к такому включению Гиль считал почти полностью утраченной. Гиль никогда не хотел лично задеть и обидеть Сина.

В конце концов, ученый вправе проводить любые параллели и аналогии.

Однако им легко придать любой эмоциональный оттенок, - это и сделали журналисты, подхватив ни лету сравнения Гиля.

Газеты запестрели заголовками: "Магия в эпоху роботов", "Создатель Ритмониума зовет в пещеру", "Да-аритмии Гиля, нет - Ритмониуму Сина". Вульгарный и поверхностный характер заголовков говорил сам за себя. Гиля это искренне огорчало, но его опровержения и объяснения печатались петитом на последних страницах - читатель обычно не замечал их.

Тогда как карикатурные изображения Ритмониума занимали самые видные места в газетах. Все это раздражающе действовало на Гиля. Окончательный эмоциональный срыв у него произошел после того, как он получил несколько резких писем от немногочисленных почитателей Сина. В них содержалось страшное обвинение: зависть.

Конечно, с обычной точки зрения это было несправедливо, - никакого личного соперничества у Сина с Гилем никогда не было. Скорее всего это был бессознательный страх, - Гиль был искренне предан воспитавшей его цивилизации и видел в Ритмониуме как бы отрицание ее эстетики. Он с ужасом думал о том, что ритм снова ограничит личное творчество, - ритм для него был тесными оковами, а гармония казалась мертвым равновесием. Но и противоречивой душе Гиля звучала и другая нота! - он чувствовал, что лишил искусство дисциплины, самочинно отключив его от вечных связей с Космосом.

За той анархией форм к которой стремился Гиль, ему иногда чудился призрак распада: сама энтропия дышала в него холодом, безразличием и апатией.

В юности Гиль начинал разрабатывать интересную проблему, которую, увы, скоро забросил, - его интересовали энтропийные факторы в духовной жизни людей.

Среди этих разрушительных сил Гиль на одно из первых мест поставил зависть, - он даже написал эссе по теме, сформулированной не совсем обычно: "Зависть и культура". Пусть в этюдной форме, но Гиль хорошо показал, как даже выдающихся людей зависть лишает внутреннего остова, - личность катастрофически распадается под гнетом этого властного и всепоглощающего чувства.

Вероятно, Гиль не случайно обратился к этой теме, он хотел заглушить в себе ростки зависти, имеющиеся у каждого человека. Гиль стал замечать, что иногда словно утрачивает дар сочувствия и сопереживания, чужая радость не отзывалась в нем ответным подъемом чувств, а скорее подавляла. Будучи предельно честным к себе и к другим, Гиль остановил развитие этой опасной болезни. Никто не мог усомниться в широте его души и полной беспристрастности. Поэтому упрек в зависти по отношению к Сину глубоко уязвил Гиля. Ведь иногда достаточно сущего пустяка для того, чтобы затаившийся невроз получил развязку, - Гиля все чаще донимала бессонница, он стал вялым и раздражительным. Гиль в определенных ситуациях мог принимать неожиданные решения, противоречащие его логически размеренному и ровному характеру. Вот и сейчас он сделал непредсказуемый выбор: полечиться у Зара, - несмотря на философское неприятие его приемов и методов.

Вероятно, подсказчиком тут было подсознание, - он знал о духовном контакте между Сипом и Заром: неявное желание объясниться с автором Ритмониума нашло обходный путь - снять внутренний конфликт через посредничество Зара.

Гиль выехал в маленький пансионат Зара порой первозимья. Болотца затягивало лучистым ледком, на пороше чернели следы зайцев и лис. Гиль впервые обратил внимание на строгую и вдумчивую тональность природы, - обычно ее жизнь оставляла равнодушным Гиля: дитя города-гиганта, он любил лабиринт улиц и толчею площадей. Ему казалось, что ноосфера - а город был её высшим воплощением - должна поглотить всю природу.

Но вот сейчас им овладело совсем другое настроение.

Путь шел по берегу северного озера, - череда невысоких всхолмий несла в себе что-то успокаивающее. Гиль открывал в природе ее дар быть мягким и ненавязчивым собеседником. Улыбаясь, он сказал про себя: - А ведь этот ландшафт берет в плен своим ритмом!

Зар готовился в это время к новой серии экспериментов. Ему хотелось на фенометрах различного типа проверить действие ледостава. Зару нравилась эта пора, воздух на берегу озера кажется разреженным, высокогорным; душа словно цепенеет, отзываясь на великую немоту мира; мысли кристально ясны, - природа передает им свою сосредоточенность.

Ледостав начался тихим пасмурным утром. Слюдяная пленка медленно двигалась от берега к островам, - за ними еще виднелись косяки мелкочешуйчатой ряби.

Стрелки фенометров, установленных у самого уреза воды, стали смещаться в сторону озера, - словно их властно притягивал незримый магнит. Следя за фенометрами, Зар пристально контролировал и свое собственное состояние, - ему казалось, что какая-то сила снимает в душе все напряжения: появляется странная легкость, невесомость. Кажется, что даже гравитация ослабевает, вот-вот все предметы плавно поплывут вверх. Удивительные, воистину космические ощущения! В пору ледостава как-то примиренней оглядываешься назад, - будто отпустили все боли, все заботы. Воля немного слабеет, но сердцем понимаешь, что это к лучшему: часть душевных сил сейчас уходит в природу, рассредотачивается в ней.

Словно падает уровень твоего "эго"! - и вот он уже сравнялся со всем окружающим миром: ты слился с ним, стал его равноправной частью. Чувство такого растворения в природе бывает лишь при ледоставе!

Зар думал о том, в сколь грандиозных масштабах осуществляется кристаллизация при ледоставе. Образующийся лед как бы втягивает в себя рассеянную окрест прану. Замедление жизненных процессов в этот период вполне реально: лед словно откачивает тонкие энергии из мира, концентрируя их в себе. Очень осторожно Зар высказывал предположение, что в какой-то степени и мы сами участвуем в этом процессе, - отсюда несколько томящее, но психологически весьма ценное ощущение опустошенности: будто что-то вынули из души, - и в эти незримые полости хлынул чистый серебряный холодок первозимья. Аналогичное состояние сейчас переживает вся природа, - в ее декабрьские пустоты мы входим как в исцеляющую барокамеру: за чувством потери приходит чувство свободы. Хочется впредь жить чисто и просто, не засоряя себя никакой суетой.

Взгляды Зара имели эстетическую притягательность, - человек и природа в его теории были сообщающимися сосудами: наитончайшие связи соединяли их столь прочно, что, получался как бы один организм- с единой ритмикой, с одним дыханием. Новизна этих положений подчеркивалась тем, что в науке Мирры утвердилась иная точка зрения: человек выделился из природы полностью и окончательно, его бытие автономно от природы и космоса.

Зар вовсе не отрицал относительной самостоятельности человека: его бытие и впрямь более суверенно по отношению к среде, чем жизнь растений и животных. Однако в глазах Зара весь космос был целостным организмом, - и ни одна часть его не могла обособиться настолько полно, чтобы отключиться от единой системы космических ритмов: цепь созвучий и соответствий связывает все элементы бытия. Эту цепь можно ослабить, но прервать ее полностью невозможно. Зар говорил, что в природе нас окружает множество камертонов, безупречно отлаженных по пульсациям Космоса, - этими камертонами являются и цветы, и насекомые, и птицы: воспринимая вибрации живого через прану, организм быстро приходит в норму. Конечно, и городская среда насыщена различными вибрациями, имеющими искусственное происхождение, - но их частоты чисто случайны, а потому или нейтральны, или вредны для человека. Зар мечтал о том времени, когда будет создана всепланетная служба ритмов - однако он трезво осознавал, что пока его мечта является утопической. И все же глобальный контроль за чистотой и гармоничностью ритмов казался ему жизненно необходимым! Обращение к опыту природы здесь было бы неизбежным, - ритмическая согласованность всех ее элементов глубока и органична.

Зар с тревогой наблюдал за тем, как ритмы цивилизации накладываются на ритмы природы. Обычно такие взаимодействия имели отрицательные последствия, - менялась ритмика зацветания трав, задерживался метаморфоз насекомых. Эти факты укрепляли Зара в его стремлении сохранить чистоту природных ритмов, - особенно существенными для человека Зар считал фенологические ритмы, чья согласованность с процессами Космоса наиболее очевидна.

В одной из своих работ Зар очень тонко развил тезис о том, что разнообразие времен года в их ритмической смене имело большое значение для становления культуры. Чередование разнонаправленных процессов - поглощающих и излучающих прану - требовало от человека двух качеств: разносторонности и активности. В фенологически однородной среде эти качества могли и не получить должного развития. Поэтому Зар считал незрелыми и опасными проекты о сезонном выравнивании всех зон и поясов Мирры, - уничтожение фенологических ритмов должно вести к неуклонному возрастанию энтропии!

Зар искренне удивился, когда Гиль, пророк и философ аритмии, обратился к нему за помощью.

Как врач, Зар обязан был проявлять полную терпимость к своим больным, - идейные разногласия не могли быть причиной для отказа или равнодушия. Требования врачебной этики совпадали с характером Зара, - будучи человеком мягким и пластичным по складу, он философски обосновывал необходимость взаимопонимания между людьми: разнообразие характеров, взглядов, идей казались ему истинным сокровищем общества. Способность вживаться в другое "я" и, хотя бы на мгновение сливаться с ним жизненно необходима, - люди слишком замкнулись в себе, стали взаимонепроницаемыми. А Зар был уверен, что только через диалог, предполагающий понимание и терпимость, могут отлаживаться биосоциальные ритмы человека.

Открытость души Зар считал непреложным условием для развития гармонической личности. Потому и Гилю он хотел помочь со всей искренностью, - хотя и предполагал, что даже успех лечения не изменит мировоззренческих установок пациента. Диалог с ним всегда был интересен для Зара, - отточенный интеллект Гиля делал его интереснейшим собеседником.

С удивлением Гиль осматривал различные фенометры, - сам принцип их устройства был совершенно нов для него. Да, это были приборы в обычном смысле слова: шкала, стрелка, датчики, - все это монтировалось в соответствии с традиционными схемами. Однако попади они в руки обычному механику, - и тот никогда не догадается о их назначении. Новизна была обусловлена тем явлением, которое подвергалось измерению: приборы должны были регистрировать колебания праны в окружающей среде.

Это поначалу сбивало с толку Гиля, - он привык считать, что вокруг нас есть только различные поля и вещество. Эти две формы материи казались Гилю исчерпывающими - хотя в своих статьях он не раз декларировал принцип бесконечного разнообразия материи. Поначалу он даже подумал, что чуткие приборы Зара регистрируют обычные вариации среды, - скажем, электромагнитные колебания или перепады атмосферного давления. Однако Зар надежно, изолировал свои фенометры от возможных помех. Кроме того, на Гиля убедительно подействовала одна исключительно важная особенность опытов Зара: он использовал фенометры совершенно разных классов, получая на них одинаковые результаты. Это качественно повышало надежность исследования.

Потоки информации катят над нами свои волны. И вот в их невидимую глубину Зар впервые опустил свои приборы! Эти потоки ученый образно называл Праной. Древнее слово дышало поэзией. Ведь так наши пращуры называли то зиждательное начало, которое делает Космос вечно цветущим и светозарным.

Прана - в излучениях звезд, Прана - в энергии зерна, Прана - во взлете мысли. Это она полнила колос дикого манника; это она ширила охват мощного древа; это она вела осенних птиц по верному курсу. Как не преклониться перед нею! И в честь невидимой Праны слагались прекрасные гимны.

Прана казалась непознаваемой. Неисповедимым образом она входила в человека, - и покидала его с последним вдохом. Люди находили на планете благодатные места, щедро источающие Прану, - там возникали первые поселения, положившие начало молодой ноосфере. Люди давно ощутили: добрые дела и чувства словно притягивают Прану, тогда как зло несет пустоту и холод.

Поэтому понятия Добра и Праны были нераздельны для сознания древних, - они познали на опыте: созидание красоты удерживает Прану, не дает ей распыляться зазря. Поэтому так много среди наших предков художников и поэтов. Они замыкали Прану в ритмическом кольце строфы - и она циркулировала там столетиями как живоносная кровь. Они концентрировали Прану в своей живописи, - и она неиссякаемо струилась в сердца удивленных потомков.

Так было в пору раннего детства человечества. Но подростковый возраст принес другое. Человек впервые вооружился скальпелем, - и вся природа превратилась в грандиозную препараторскую: человек расчленял, разрывал, распарывал. Зачастую это делалось с немыслимой прежде жестокостью, - одержимые жадой познания, люди были нетерпеливы и не останавливались ни перед чем в достижении цели. Чего же они искали? Тайну Жизни- тайну Праны.

Раньше она открывалась им в простом наитии, - человек мог легко вжиться в образ птицы или дерева, чтобы понять их изнутри. Память о легкости этих перевоплощений сохранилась в мифах. Но подросток перестает доверять наитию, - и это вне суда, ибо это закономерно. Подросток хочет тайное тайных подержать в руках, но до сокровенного нужно добратся, докопаться.

И вот живая птица становится для подростка механической игрушкой, - он разбирает ее на части, постигая анатомическую целесообразность; потом с изумлением открывает гармонию клетки; наконец, он видит цепочки генов! - дальше идут уже молекулы, потом атомы. И что же? Тайна живого остается скрытой за семью печатями!

И подросток приходит в отчаянье. Но тщательно скрывает это, маскируясь под без унывного бодряка. Он говорит: нет никакой тайны, нет никакой праны!

Все сводится к комбинации элементов, к игре случайностей. Организм - та же машина: взаимодействие частей лежит в основе ее жизнедеятельности.

Взаимодействие - и больше ничего! Только поэту может почудиться мираж, именуемый прапой, - но это фикция, иллюзия. Целое вполне равно сумме своих частей! - организм разлагается на части без всякого остатка. А коли так, то искусственный синтез организма не является проблемой!

И вот подросток берется за изготовление гомункулусов, големов, роботов. Как увлеченно он замешивает глину! Как тщательно размешивает биохимические растворы! С какой любовью собирает электронные схемы! Но его преследуют неудачи: машины отказываются быть живыми, - словно рок судил им являться на свет мертворожденными.

Однако Гиль, болезненно переживавший все эти неудачи, не терял надежд на то, что чисто механическими способами удастся воссоздать живое. Он вдохновил своих учеников на постройку Генератора Случайностей, который, по его мнению, мог моделировать эволюционный процесс. Генератор производил грандиозное впечатление: это было механическое чрево, в котором должна спонтанно зародиться жизнь. Но чрево оставалось бесплодным.

Пучки энергии, разогнанные в спиральном ускорителе с пятикилометровым радиусом, бомбардировали мертвое вещество; мощные электрические заряды, воспроизводя грозы палеозоя, пытались взбудить спящую материю; жесткие излучения пронизали ее насквозь, но вызывали только деструкцию и распад.

Гиль привез с собой в пансионат последний том с результатами, полученными на Генераторе Случайностей.

В них фактически не было ничего обнадеживающего, иногда возникали довольно сложные молекулы, но никаких признаков способности к самовоспроизведению у них не было.

Во время одной из совместных прогулок Гиль решил обсудить с Заром неудачи своих учеников. Он вдруг ощутил странную потребность в диалоге! Это было подобно чувству голода, - Гиль резко осознал, что у него до сих пор не было подлинного научного общения: он с неколебимой уверенностью произносил свой монолог, а ему послушно вторили его идейные двойники. И это неизбежно вело к духовному истощению! Гиль почувствовал, что был и остается очень одиноким человеком, - хотя его окружали многочисленные ученики и поклонники.

Гиль думал о том, что полноценное общение не исключает столкновения мнений, - друг должен не только соглашаться, но и оспаривать: в живом движении тез и антитез раскрывается полнота истины. Гиль понял - и это было внезапно как озарение: та наука, которой он так верно служил, была односторонней, монологической. Потому и зрение ее было одноким: она видела лишь одну грань истины, со всей добросовестностью исследуя эту грань.

Гиля обуревали сомнения. Его душа уподобилась маятнику, колеблющемуся с невероятно большой частотой, - Гиль то был готов пересмотреть в корне свое кредо, то вновь утверждался в мысли, что Син и Зар находятся в плену красивых заблуждений. Зар сразу заметил это переменчивое состояние Гиля, его спасительную потребность в собеседнике нового типа, - и со всей доброжелательностью ответил ему.

Стоял ясный день, - с прозрачными окоёмами, с морозцем. Лед на озере был как стекло, - сквозь него виднелись чуткие птичьи стайки. Усевшись на прибрежных камнях, Зар и Гиль наблюдали за ними.

Разговор зашел о сущности живого. Гиль сказал, что надеется получить крупные средства, - и тогда на более мощном Генераторе Случайностей можно будет осуществить биосинтез. Правда, говорил он об этом с толикой сомнения, - и Зар сразу же уловил неуверенность Гиля.

- Вы знаете, что я ценю гилозоизм [Учение о всеобщей одушевленности материи.] древних философов, - сказал Зар. - Для них вся материя была живой, ощущающей.

В этом есть зерно истины, ибо с организованностью мы встречаемся на всех уровнях бытия. Для гилозоиста превращение глины в живую материю было чем-то очень естественным. Ведь камень уже таил в себе зачатки живого.

Гилозоизм очень поэтичен, - одушевление природы в поэзии идет от него.

Космос, построенный из органических тканей! - в этом видении мира есть непреходящая красота.

- А почему вы, собственно, заговорили о гилозоизме? - удивленно спросил Гиль. Зар ответил с доброй улыбкой: - А для того, чтобы вы лучше поняли себя.

С гилозоизмом вас формально сближает одно: уверенность в том, что синтез живого - задача принципиально разрешимая. Различие между камнем и растением для обеих концепций не слишком существенно. Но меня сейчас больше интересуют ваши расхождения с гилозоистами: если они одухотворяли все стихии, то вы - уж извините за откровенность - омертвляете живое. По существу, весь Космос для вас мертв, - организмы суть сложные машины: значит, они не представляют исключения, ибо машины мертвы.

- Вы все утрируете! - нетерпеливо воскликнул Гиль. - Для нас тоже очевидно различие живого и косного, но мы уверены, что особый носитель жизни - вроде пресловутого X - фактора или биологических полей - отсутствует.

- Я готов признать вашу относительную правоту, спокойно ответил Зар на слова Гилия. - Вы знаете, что свои взгляды я развернул в самой предварительной форме, - и потому буду говорить о них в условном тоне. Я согласен с тем, что за организованность на всех уровнях вселенной ответственен единый фактор, - вы его тоже бессознательно принимаете, когда утверждаете, что разрыва между живым и неживым нет. Но вы никогда не задумывались о природе этого фактора! Гармонию мира вы объясняли, как сцепление случайных событий. А вот мне кажется, что гармония бытия имеет специфическое обеспечение: это - Информация. Я бы добавил: активная Информация! - ибо лишь благодаря ей мир не превращается в хаос обломков, как того требует второй закон термодинамики. Кстати сказать, с ваших позиций термодинамический парадокс остается неразрешенным. И ваша наука молча принимает это, пророчествуя о неизбежной гибели мира! Я бы назвал такую позицию апологией хаоса. И я не могу принять эту апологию уже потому, что ей сопротивляется глубинный жизненный инстинкт! - этому внутреннему чутью я доверяю больше, чем вашим безупречным математическим выкладкам. Очевидно, в основу своих расчетов вы положили какие-то неверные допущения. Да что там инстинкт жизни! Если для вас это не аргумент, то посмотрите в телескопы:

Космос молод и бодр, - тогда как по вашим расчетам он уже давно должен быть пеплом, рассредоточенным в бесконечном пространстве.

- Но во вселенной работает Генератор Случайностей! - воскликнул Гиль. - Вселенная сама по себе есть гигантская Случайность, - благодаря постоянным флуктуациям, она не приходит в состояние теплового равновесия.

- Это уже поправка к вашим прежним воззрениям! - парировал Зар. - Но и флуктуации не делают их более убедительными. Слишком большую роль у вас играет Случай: и вселенная, и жизнь, и сознание, - все у вас имеет случайное происхождение. А мне кажется, что у Бытия - во всей иерархии его гармоничных проявлений - имеются все же более глубокие основания.

- Какие же?

- Я опять возвращаюсь к своей мысли о космологическом значении Информации. Я понимаю: Информация Права является для вас весьма зыбким, размытым понятием. И к тому же оно пока похоже на пресловутый X - фактор! А я не хотел бы вводить лишних сущностей: как и вы, я держу бритву Оккама среди своего рабочего инструментария.

- И все же Прана мне представляется такой лишней сущностью...

- Вовсе нет! Просто мы мало размышляем над великим понятием Бытия.

Быть- значит, нести информацию. "Я есмь!" - говорит каждый предмет в мире уже одним фактом своего существования. Бытие - информационно, небытие - немо и пусто. Уж так получилось, что понятие Бытия в нашей культуре стало сухой философской абстракцией. А для меня оно пульсирует всеми живыми токами!

Быть - значит, излучать информацию.

- Не совпадают ли тогда понятия бытия и информации?

- Таких далеких обобщений я пока не делаю. Замечу другое: вот вы жалуетесь, что ваш Генератор Случайностей не выдает живых молекул.

Почему-то Вы не захотели насытить свою систему самым главным жиздительным началом: информацией. У вас прекрасно работает комбинаторика, у вас имеются сильные источники энергии. Случайные самопроизвольные изменения. Но для того, чтобы создать искусственную жизнь, вещество нужно в первую очередь зарядить информацией!

- Вы хотите сказать, что в вещество надо вдохнуть Прану?

- Я бы выразился иначе, - надо научиться подключать вещество к космическим источникам Праны.

- Простите, но здесь я перестаю понимать вас. Ведь не будете вы оспаривать, что жизнь на Мирре возникла вполне самостоятельно? Мы можем уверенно предполагать, что другие планеты нашей системы безжизненны, да и весь прощупанный нами Космос пуст и безгласен.

- Внешние факты говорят в пользу ваших убеждений. Но иногда интуиции следует доверять больше, чем фактам, - они пока все-таки очень отрывочны.

Быть может, это не убедит вас, но я хочу обратиться к интуиции поэтов и композиторов, - Художественный образ Космоса мне кажется гораздо более точным и полнокровным, чем его образ в науке.

- Но ведь воображение художника может вовсе не соответствовать реальности!

- А мне кажется, что это воображение часто проникает в сущностные глубины Бытия. О чем же свидетельствует художническая интуиция? О том, что Космос насыщен жизнью. Поэтам чудится, что звезды изливают не только свет, но и некое живительное начало. Я бы сказал, что звезды вырабатывают Прану!

Потоки организованности льются в космическом пространстве, - в особых точках их пересечения зарождаются и расцветают биосферы.

- Вы считаете, что биосфера Мирры не одинока в Космосе?

- Конечно, у меня нет никаких доказательств, свидетельствующих о существовании других биосфер. Но я опять хочу обратиться к эстетическому опыту прошлого века, когда механистическое понимание Космоса еще не получило столь широкого распространения, как сейчас. Возьмите "Космическую симфонию" Бёкка, - разве в ней не звучат голоса других миров? Сердце художника является лучшим приёмником космической информации. Я понимаю: для вас это звучит беспочвенно и бездоказательно. Но у меня другая точка зрения, - я убежден, что в памятниках искусства Мирры можно найти космические влияния.

- Они осуществлялись через пресловутых пришельцев?

- Вовсе не обязательно! Это просто наиболее элементарная гипотеза.

Вероятно, другое: восприятие земными художниками информации, циркулирующей в Космосе. Недавно Син из путешествия по горам Севера привез странные тексты, - иногда отчетливо кажется, что таинственная "Кала-Йога" создавалась на другой планете. Вы еще не прочли публикацию Сина? Для меня это было настоящим откровением, - с какой небывалой силой звучат в этих текстах положения космической этики! Только цивилизация, широко осуществляющая контакты в Космосе, могла прийти к таким формулировкам.

- А если это мистификация?

- Значит, мистификатор является гением из гениев! Я вообще не оспариваю самостоятельности и в происхождении жизни на Мирре, и в становлении ее цивилизации. Мне хочется подчеркнуть другое: насыщая пространство Праной, Космос благоприятствует и появлению жизни, и возникновению сознания. Мы должны научиться фокусировать эту Прану! – без такой фокусировки ваш Генератор Случайностей будет работать вхолостую.

- А не кажется вам, что научную задачу надо формулировать более определенно? Все же остаются неясными и сама природа Прапы, и способы ее фокусировки.

- Конечно. Но важно начать исследования. Вы видели мою лабораторию, - у меня только один сотрудник, все приходится делать своими силами. Легко в одиночку развивать теорию, но когда дело доходит до эксперимента, то тут нужна поддержка извне. А вы знаете, что мы ее фактически не получаем. Но нет худа без добра! Безвыходная ситуация заставила нас искать новые пути, - мы обратились к природе: стали среди живых структур искать готовые опытные установки.

- Это нечто вроде бионики?

- Скорее наоборот: если бионика переводит природу на язык техники, то мы технику решили предельно биологизировать, - в идеале это будет означать отказ от техники как таковой: мы будем работать на одних биологических системах.

- Но ведь цивилизация самым тесным образом связана с техникой. Это бегство от цивилизации.

- Почему вы говорите так категорически? Мне кажется, что нынешняя ступень цивилизации не является последней, - и новый подъем будет непременно связан с освоением биоэнергетики. Нам не хватает органичности, - мы слишком Машино подобны: не только в своей философии, но даже в искусстве и поведении. Вы правы. Машина - великая вещь. Но она же является источником энтропии! А вот жизнь уменьшает энтропию мира, - к ней на выучку и должна пойти наша ноосфера.

- И чем же помогла вам природа?

- Вы видели фенометры различных типов. Многие в них заимствовано от механической цивилизации, - весы, гироскопы, фотоэлементы. Без таких узлов не обойтись и в будущем! Мы не утописты: машины созданы гением человека и всегда будут служить ему. Но мы против одностороннего культа механизма, - потому и обратились к живой природе. Среди наших фенометров есть такие, которые собраны из живых узлов, - пульсации водоросли-осциллятории или скорость клеточного деления могут быть отличными индикаторами уровня Праны в окружающей среде. Другое направление опытов - это попытка аккумулировать Прану: для этого мы используем биологические резервуары - семена, клубни, луковицы. Мы серьезно относимся к преданиям о древних мудрецах, чей суточный рацион состоял всего из одного яблока. Но эти яблоки находились в особых местах, освященных традицией, - там воздвигались алтари и храмы. Быть может, это места, где приток космической праны был наиболее интенсивным?

Конечно, мое предположение голословно. Но все-таки хочется проверить многие древние предания, в оболочке мифов и символов могут скрываться реальные факты.

Гилью все эти рассуждения Зара представлялись парадоксальными, - буквально каждый тезис вступал в противоречие с тем, что ему казалось незыблемым и абсолютным. Поэтому он слушал Зара не только с большим интересом, но и с психологическим сопротивлением. Ведь в самом деле! Со школьных лет Гиль привык относиться к биологии как к второстепенному предмету, - а Зар рисовал увлекательные картины цивилизации биологического типа. Дальше: эволюцию Мирры Гиль считал совершенно изолированной от каких бы то ни было космических влияний, - Зар же говорил о неясном участии Космоса во многих планетных процессах. Гиль всегда доверял только логике, но Зар исключительно важным органом познания считал интуицию. Наконец, Гиль очень смущала мысль Зара о возможности безэнтропийной цивилизации, - он считал, что энтропия является неизбежной платой за извлечение энергии.

Не утопист ли Зар? Гиль терялся в сомнениях. Тем более, что при всей убежденности Зар всегда подчеркивал, что не выходит за рамки гипотез, а опытные результаты считает пока самыми предварительными.

Гиль решил повторить опыты Зара. И поразился. Как мимо этих явлений могла пройти наука? Ведь в общем-то они очень просты и очевидны. Стрелки фенометра отклонялись в сторону, когда Гиль ставил рядом с прибором чашечку, наполненную тающим снегом. Аналогичное действие вызывала свежая ивовая опаль, принесенная Гилем из приозерного леса. По совету Зара он укрепил маленький фенометр в фокусе телескопа-рефлектора, - нацелив оптику на блистающий Сириус, Гиль удивленно наблюдал за стрелкой: она сместилась на целых девять делений!

Как объяснить получение сходного эффекта от столь различных процессов? Зар подсказал Гилью, что все три процесса имеют одну общую черту: они излучают вовне накопленную организацию. Сближение разнородных процессов по этому признаку поразило Гилья, - он любил широкие обобщения: поэтому предложенная Заром классификация процессов удивила его своей обобщающей силой.

Но вот Зар поставил возле прибора колбочку, в которой шел процесс интенсивной кристаллизации, - стрелка фенометра потянулась в сторону процесса. Такой же эффект наблюдался в соседстве с прорастающими зернами пшеницы. Наконец, Зар снял праноизолятор с прибора и предложил Гилью вплотную подойти к фенометру. Гиль искренне удивился тому, что притянул к себе стрелку на тридцать два деления.

- Вы интенсивно поглощаете организацию! - пошутил Зар. - Это вполне соответствует вашему темпераменту.

Зар объяснил Гилю, что в последней серии опытов фенометр реагировал на процессы, идущие с усиленным накоплением праны.

- Почему до вас этого никто не заметил? - искренне удивился Гиль.

- Думаю, что замечали, - и неоднократно. Но относили к разряду помех. Вы ведь знаете, что многие такие помехи оказались непреодолимыми. Не находились ли приборы в соседстве с процессами того или иного типа?

Гилю было над чем задуматься. Он вспомнил, как один старый чудаковатый философ сказал ему при открытии Генератора Случайностей:

- Вот вы все наращиваете мощности, ваши лаборатории становятся похожими на гигантские предприятия. А вдруг истину можно добыть несравненно более простыми средствами? Ведь природа не злонамеренна, - к ней надо подойти по-доброму, и она раскроет свои тайны. Вы используете все более сложные системы, - а это не соответствует Природе: она устроена просто.

Конечно, это особая простота, требующая глубочайших философских проникновений. Как бы не оказался ваш Генератор еще одной данью иллюзии, Майе!

Гиль вспомнил сейчас эти горькие и резкие слова старика-философа.

Лаборатория Зара как нельзя лучше соответствовала тому идеалу простоты, от которого так далеко отошла современная наука.

"А что, если Зар прав? - думал про себя Гиль. - Тогда это феноменально: открытия, сулящие миру совершенно новые перспективы, делаются почти в одиночку, - и к тому же с помощью предельно простых средств".

Зар словно угадал мысли Гиля, сказав с улыбкой: - А разве физика начиналась не со столь же простых вещей? Кусочек янтаря как бы намагничивал бумагу, ведь это тоже кто-то заметил впервые! И наверняка через много столетий после того, как янтарь вошел в обиход.

Или другой случай: никто до Гала не догадался сбросить с башни одновременно два шарика - деревянный и железный. Человечество ахнуло, узнав, что упали они тоже одновременно. Ведь это так просто, правда? Быть может, и опыты по регистрации праны тяготеют к этой же категории фактов науки. Древние кое-что наверняка предпринимали в деле поиска Праны. Но потом наука встала на другие пути, - в конечном итоге это даже закономерно.

Очевидно, нельзя не пройти через увлечение механицизмом! - это столь же неизбежно и необходимо, как стадия детства в развитии отдельного человека.

- Не считаете ли вы, что у ноосферы кончается подростковый возраст? - спросил Гиль.

- Я бы хотел так думать. По крайней мере, мы уже начинаем исподволь осознавать незрелость многих своих концепций, - а это уже само по себе свидетельствует о приближающемся возмужании.

Диалоги с Заром запали глубоко в душу Гиля. Он вернулся домой с твердым желанием помочь ходу необычных исследований, - Гиль надеялся, что благодаря своему авторитету он организует хотя бы строгую перепроверку опытов Зара. Если результаты будут хорошие, - а Гиль еще имел некоторые сомнения на этот счет, - то надо будет со всей честностью признать узорность имеющихся научных схем. А потом, сделать попытку расширить их настолько, чтобы концепция Зара органично вошла в изменившуюся систему взглядов.

Однако интересы научного мира были прикованы к новому проекту по выравниванию климата Мирры, - проект обходил все трудности, вызванные ограниченностью экономических ресурсов: благодаря простоте предлагаемых средств и методов он был осуществим уже в настоящее время. Проект широко дебатировался общественностью Мирры. Пресса просто неистовствовала!

Славословия проектанту тонули среди отдельных голосов, выражавших сомнение и осторожность.

Надо сказать, что наука Мирры давно страдала своеобразной манией, - ученым казалось, что их планета неудачна, что ее обязательно надо переделать. Правда, поэты и художники пытались возражать ученым, - они говорили о мудрой гармонии природы, о ее ненарушимой целостности. Но разве доводы искусства когда-нибудь принимались всерьез учеными мужами? Проект по глобальной перестройке климата Мирры казался большинству и простым, и остроумным. Суть его заключалась в следующем.

Недра планеты заключали огромные запасы легкого газа сория, которому не удалось найти никаких утилитарных приложений. Предлагалось выпустить этот газ в высокие слои атмосферы и создать еще одну газовую оболочку для Мирры. Многократно проверенные расчеты показывали, что сорий будет отличным тепловым экраном, - температура на Мирре повысится на 2-3°, что очень существенно для умеренного, местами даже сурового климата планеты.

Правда, слышались отдельные мнения, что свойства сория плохо изучены, - однако никто не придавал этому значения. Гиллю эти предостережения показались серьезными - и он решил послать несколько проб сория в лабораторию Зара. Результат был получен очень скоро, - сорий оказался отличным изолятором праны.

Среди немногочисленных людей, выражавших сомнения в целесообразности проекта, был и Син. В последнее время он вынашивал мысль о своеобразном симбиозе идей, - Син хотел внести некоторые изменения в схему Ритмониума, дабы в еще большей степени поставить его на службу исканиям Зара. Изучив различные классы фенометров, Син пришел к выводу: при подсоединении нескольких новых блоков Ритмониум превратится в гигантский фенометр! Узнав о задумке Сима, Зар понял, что ему предоставляется возможность для уникального опыта: превратить спираль Ритмониума в своего рода линзу и сфокусировать с ее помощью космическую Прану.

Разве можно забыть те апрельские ночи, когда искатель Ритмониума сканировал весеннее небо! Результаты превзошли все ожидания. Зар и Син поняли: они стоят на пороге новой науки - звездной пранометрии. Мирру со всех сторон окружали добрые миры, льющие на нее потоки информации. Могла ли ее биосфера развиваться без этого фона? Зар и Син со всей глубиной ощутили участие Космоса в жизни планеты: они поняли, что многие биоритмы Мирры включаются теми или иными звездами; для них стало очевидным, что приток информации из Космоса необходим и для равновесия биосферы, и для ее эволюции.

Особенно интенсивный поток праны шел из созвездия Ориона, - фокусируя этот поток линзой-спиралью Ритмониума, Зар и Син получали замечательные эффекты: зерна, помещенные в фокусе, прорастали невероятно быстро; под лучами праны жизнь мотыльков-поденок значительно удлинялась; в зоне эффекта отлично проходило восстановление тканей у гидры. Если фокус расширить, то эффект станет целительным и для человека! Зар и Син мечтали о новых методах космического врачевания.

А Мирра в это время готовилась к осуществлению утвержденного проекта, - бурились скважины для выхода сория, к горным вершинам Мирры прокладывались газопроводы. Вскоре первая порция сория была выпущена в атмосферу.

Син и Зар ждали этого момента с тревожными предчувствиями. Казалось, что сорий сделал небо еще более прозрачным, - но показания фенометров противоречили этому непосредственному ощущению. Стрелки приборов отклонялись теперь не так сильно под действием праны, а многие участки неба вообще стали как бы глухими для приборов.

Гиль пытался информировать об этом научную общественность, но его предупреждения не были приняты всерьез. Между тем, с каждой новой порцией сория Космос словно отдалялся от Мирры. Вскоре даже неистовый Орион перестал действовать на приборы.

- Уж не злого ли джина выпустило человечество из бутылки? - с горькой иронией говорил Гиль. - Как это отразится на жизни Мирры? Ведь мы по существу изолировались от Космоса, - забились в мнимо-прозрачную, но непроницаемую скорлупу.

Вскоре в газетах появилось сообщение об одной странности весны этого года: у цветочных первоцветов почему-то не завязались семена. Но никто не придавал этому значения.

Мирра еще не знала, что ее ждут суровые испытания.

ЭПИЛОГ

Космодромы маленькой Геммы были переполнены, посадку запрашивали хронолеты всей Ойкумены. А ее радиус простерся уже на триста световых лет!

Сегодня высшая награда Ойкумены вручалась профессору Светозарову, - с разных планет слетались его многочисленные ученики. Раньше всех прибыли гости Аламака и Мирры, Гемма вернула планетам-соседям жизнь, потерянную в социальных и экологических катастрофах. Вскоре представители всей планетной цепи опустились на космодромах Геммы. Потом стали прибывать посланцы других звездных систем.

Трудно поверить, что "Начала звездной хронодинамики" профессора Светозарова вышли всего двадцать пять лет назад- Как за эти годы изменился мир! На замену громоздким фотонным ракетам пришли легкие хронолеты, - границы Ойкумены сразу увеличились в сорок раз!

И было ясно, что продвижение в Космос ныне будет безграничным и безостановочным.

Светозаров стеснялся затейного торжества. Он говорил, что открытия совершаются с логической неизбежностью, - и поэтому на его месте мог быть любой уроженец Геммы. Но все знали, что это не совсем так: наука планеты развивалась до Светозарова в иных направлениях. Нужна была великая интуиция - и недюжинное мужество! - чтобы повернуть мысль на новый путь.

Благодаря открытиям Светозарова человечество вплотную приблизилось к своей давней мечте - космическому контакту. В Орионе были открыты явные очаги биоактивности, - ряд соображений приводил к выводу, что это результат разумной жизнедеятельности.

Косвенное подтверждение этому неожиданно дали историки, - профессор Вегиллов привез из второй хроноэкспедиции старинный манускрипт, содержащий необычные звездные карты. Собственно говоря, это был своеобразный звездный атлас, посвященный одному созвездию - Ориону. Озадачивало уже первое изображение созвездия! - оно было зеркально перевернуто: так Орион мог выглядеть для наблюдателя, видящего созвездие как бы сзади, с его тыльной стороны. Далее в архаическом атласе шли изображения Ориона в разных ракурсах и разворотах, словно его картографировали с больших расстояний во время облета на хронолете. Заканчивается атлас привычным изображением созвездия, - таким, каким оно видно с Геммы.

Лучший светомузыкант Ойкумены Красинский был настолько потрясен этим атласом, что создал цикл композиций "Ориония"- в оркестр был впервые введен хроноклавир: меняя уровень праны в зале, мастер тонко акцентировал светомузыкальную партию. Великолепная "Ориония" пророчила воссоединение Ойкумены с другими цивилизациями Космоса.

Ко дню торжества своего друга Красинский написал "Концерт для хроноклавир со светомузыкальным оркестром», - его исполнением открылось чествование Светозарова. Партию хроноклавир вел сам Красинский.

Впечатление было потрясающее! Красинский раскрыл весь драматический путь Геммы к тайне Времени: сестрах перед грозным Хроносом; ее заискиванье перед двуликим Янусом; ее плутания в релятивистском Четвертом Измерении. Но вот через гигантскую аудиторию покатались животворные валы Истинного Времени! Ансамбль светомузыкальных органов заиграл всеми спектрами Космоса.

Замысел был понят сразу: это звучит Гармония Сфер- Гармония Времени.

Зал загремел овациями.

От имени Ойкумены выступил Вегиллов. Он говорил о творческом симбиозе Времени и Человека, - этот союз вочеловечит все сущее. Вегиллов вручил Светозарову дар Геммы - картину Н. К. Рериха "Знаки Чинтамани".

Выступление глубоко растроганного Светозарова было простым и кратким:

- Вся моя заслуга заключается лишь в том, что я захотел сделать Время эстетической категорией: оно мне открылось как гармония и красота, как носитель творческих сил вселенной. Будем достойны Времени!

Покинув аудиторию, люди замерли в изумлении: Светозарова ждал еще и непредвиденный дар от Космоса!

Туманность Ориона в ночном небе Геммы обрела необыкновенную яркость, - ее радужная аура ритмично пульсировала, расширялась на глазах. Хронолетчики узнали знакомую картину: так выглядят с далеких расстояний стартующие в ночь хронолеты.

1975 г.